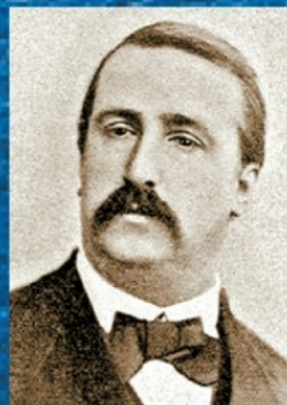

12+

Леонид НИСМАН

**ЗНАМЕНИТЫЕ
БАСТАРДЫ
в русской культуре**

Леонид Нисман

**Знаменитые бастарды
в русской культуре**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нисман Л.

Знаменитые бастарды в русской культуре / Л. Нисман —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге приведены истории жизни и творчества семи знаменитых деятелей русской культуры, рождённых вне брака. Таких детей называют бастардами. Судьбы этих, как и судьбы многих других бастардов в русской культуре, весьма интересны и во многом поучительны. Описаны их пути из безрадостного, тяжёлого детства к высшим достижениям в русской культуре в различных её областях. Их имена стали широко известны не только в современной им России, не только в современном им мире. И сейчас, в XXI веке, их творчество доставляет огромную радость знатокам и любителям подлинного искусства. Семь героев настоящей книги - по рождению люди самых различных национальностей, но все они творили на благо России, считали Россию своей Родиной и были её патриотами.

Леонид Нисман

Знаменитые бастарды в русской культуре

Предисловие

Бастард. Слово хлёсткое, как удар бичом. Незаконный сын или дочь, рождённые вне брака.

Сегодня, когда по Первому российскому телеканалу чуть ли не каждый вечер на экране из ниоткуда, как из легенды о невидимом граде Китеже, возникают тайные дети знаменитых родителей, и всё это горячо обсуждается на глазах миллионов зрителей, слово бастард упоминается редко.

А когда-то оно значило очень многое.

С давних пор общество не желало выделять бастардам место в своих рядах. Поскольку основой семьи считался брак, то дети, рождённые вне брака, юридически не имели ни семьи, ни рода, ни сословия. Зачастую их вообще лишали основных гражданских прав, и они навсегда становились изгоями.

Вокруг незаконнорождённых детей, пытавшихся отстоять своё место в нашем непростом мире, всегда кипели и кипят до сих пор поистине шекспировские страсти.

К этой проблеме в книге, которую мы очень советуем взять в руки и внимательно прочитать, прикоснулся Леонид Нисман.

Он, безусловно, человек необычайно интересный. Я бы даже назвал его уникальным. Москвич, выросший на Арбате, друг многих знаменитых людей России, деятелей науки, культуры, искусства, член президиума Международного совета российских соотечественников, Леонид буквально впитал в себя лучшие старомосковские культурные традиции. Профессор, доктор технических наук, автор ряда изобретений мирового уровня, Леонид Нисман, поселившись в Германии, не стал, подобно ряду других уехавших, копить обиды на Отечество. Наоборот, он занялся своим любимым делом – искать и, главное, открывать неизвестные и такие манящие страницы в русской культуре и истории.

Его книга «Русский язык. Трудности, тайны и не только», вышедшая в свет в 2018 году, имела большой резонанс как в России, так и за её рубежами. Легко, можно сказать играючи, он погрузился в бездну русского языка, этимологию поговорок, устоявшихся выражений, истории слов. И всё это подано им очень ярко и увлекательно. За всем этим стоит огромный пласт истории и ощущение, если вспомнить пушкинское определение, «самостоянья человека»:

Два чувства дивно близки нам,

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века

По воле Бога самого

Самостоянье человека,

Залог величия его.

Как гениально сказано! То есть человек становится человеком, когда знает своё прошлое и свою историю.

Книга Леонида Нисмана «Знаменитые бастарды в русской культуре» читается буквально на одном дыхании. Великие имена России, объединённые загадками и недоказанностью своего происхождения, на страницах книги предстают прежде всего живыми людьми, бьющимися за своё место под солнцем.

И от этого вся картина жизни героев становится яркой, многогранной и полнокровной. А сами герои, вне сомнений, составляют золотой пантеон России.

Великий поэт, несколько раз спасший Пушкина, в том числе и от каторги – Василий Андреевич Жуковский. Создатель, наряду с Карамзиным, русского сентиментализма, он был сыном помещика из среднерусской полосы и пленной турчанки, захваченной во время русско-турецкой войны.

Один из основателей Товарищества передвижников, гениальный живописец Василий Перов, автор великих картин «Последний кабак у заставы», «Тройка» и многих других, появился на свет благодаря вспыхнувшему чувству губернского прокурора, немецкого барона по происхождению, к уроженке города Тобольска. Несмотря на то, что вскоре после рождения мальчика родители обвенчались, будущий живописец не имел права носить отцовскую фамилию и значился по фамилии крёстного отца – Васильев. Перовым он стал после шуточного прозвища дьячка, учившего мальчика грамоте.

Афанасий Фёт, автор одних из самых пронзительных лирических строк не только в русской, но и в мировой поэзии, в 14 лет был лишён права потомственного дворянства из-за недоказанности своего происхождения, и эта рана свербила всю его жизнь.

Гениальный композитор и химик, основатель эпического симфонизма, появился на свет после вспыхнувшей любви старого грузинского князя к 25-летней женщине. Маленький Александр, будущий автор оперы «Князь Игорь», был записан сыном дворового Порфирия Бородина и до 8 лет значился крепостным своего отца.

Актёр, режиссёр, один из создателей русской театральной школы Александр Павлович Ленский – незаконный сын обременённого многодетной семьёй князя Гагарина и итальянской оперной певицы.

Нарком просвещения первого правительства России Анатолий Васильевич Луначарский, к слову, спасший от гибели целую плеяду поэтов, писателей и художников, был внебрачным сыном дочери директора училищ Черниговской губернии и действительного статского советника.

Наконец, «Царевна Лебедь» русского и мирового балета Анна Павлова, которая так и унесла с собой тайну своего происхождения. Но близко знавшие её люди, а также исследователи и историки балета, изучающие эту фантастическую жизнь, в один голос утверждают, что она никак не была дочерью отставного солдата Матвея Павлова.

Поразительную внешность и тягу к восточным танцам некоторые из них объясняют отцовством хозяина прачечной красавца-караима.

Однако, большинство фактов из жизни Анны Павловой свидетельствуют о том, что отцом её был крупный московский банкир, коммерции советник, известный общественный деятель Лазарь Поляков, в доме которого служила её мать.

И всё это рассказывается Леонидом Нисманом вовсе не для того, чтобы в тысячный раз познакомиться с пикантными подробностями появления на свет великих сынов и дочерей России. Нет, он показывает, как висевший над ними дамоклов меч незаконного происхождения оттачивал их талант и утраивал их усилия.

Наряду с описанием жизни и творчества главных героев книги, большое внимание уделяется описанию их окружения.

Приведены малоизвестные подробности из личной жизни главных персонажей книги, а также редкие иллюстрации.

Столь увлекательное повествование ещё и ещё раз погружает нас в бездны отечественной истории и делает её героев ближе и понятней, а значит, и более необходимыми и в наше время.

Виктор Леонидов Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, автор-исполнитель песен в цикле документальных фильмов «Никита Михалков. Русский выбор».

Foreword

Bastard. This word is as scathing as a lash. A child of sin, a son or daughter born out of wedlock. Today, when secretive children of famous parents having been kept out of the public eye, come out of the blue night after night on the 1st Russian TV channel, as from the legend of the invisible city of Kitezh, and all this is hotly debated in front of millions of viewers, the word «bastard» is rather exotic.

But back in the old days it meant a lot.

From way back the society has never placed any value or status on bastards. Since lawful marriage was considered the basis of the family, children born out of wedlock legally had no family, no ancestry, no class. They were often deprived of their basic civil rights altogether, and they became outcasts forever.

Truly Shakespearian passions have always run high around children of sin trying to assert themselves in our rough time.

This very problem is touched upon in the new Leonid Niessmann's book, which we strongly recommend to pick up and read carefully.

The author is certainly an exceptionally interesting person. I would even call him unique. A Moscovite who grew up in the Arbat, a friend of many famous Russian academic figures, men of art and culture, a member of the Presidium of the International Union of Russian Compatriots, Leonid has literally absorbed the best old Moscow cultural traditions. Having settled in Germany, Professor, Doctor of Engineering, author of a number of world-class inventions Leonid Niessmann did not accumulate hard feelings for his homeland like some other expats. On the contrary, he turned hand to his favorite activity – to look for and, what counts most, to discover unknown and challenging pages in Russian culture and history.

His book «The Russian Language. Difficulties, Mysteries, Subtleties and Something Else.» published in 2018, was widely discussed both in Russia and abroad. Easily and even playfully he plunged into the deeps of the Russian language, the etymology of sayings, set phrases, the history of words. And all his findings are presented by him in a lively and fascinating manner. Behind this work there is a huge layer of history and a feeling of «person's self-identity», if you remember Pushkin's definition.

The vital bread our spirit craves

Comes from two loves divinely cherished:

One for our home to ashes perished,

One for our fathers' sacred graves.

From the beginning of Creation

By God's own will they stand to be

Of man's self-rule the foundation,

Of his grandeur the guarantee...

What ingenious words! That means, a person becomes a person when he knows his past and his history.

Leonid Niessmann's book «Famous Bastards in Russian Culture» is read in just the same breath. Within the covers of the book the great names of Russia, united by mysteries and their doubtful backgrounds, appear to be living people fighting for their place in the sun.

And thus the whole picture of the characters' lives becomes bright, protean and comprehensive. And, no doubt, the heroes themselves make up the Golden Pantheon of Russia.

The great poet, who several times saved Pushkin from penal servitude among other things, was Vasily Andreyevich Zhukovsky. Along with Karamzin, he was the father of Russian sentimentalism, being the son of a landowner from the Central Russia and an imprisoned Turkish woman captured during the Russian-Turkish war.

One of the founders of the Association of Itinerants, a brilliant painter Vasily Perov, the author of the great paintings «The Last Tavern at The Outpost», «Troika» and many others, was born thanks to the inflamed feeling of a provincial Prosecutor, a German Baron by blood, to a native of the city of Tobolsk. Despite the fact that soon after the boy's birth his parents got married, the future artist had no right to have his father's name and was listed by the name of the godfather – Vasiliev. He became Perov after a humorous nickname was given to him by the verger, who taught the boy to read and write.

At the age of 14 Afanasy Fet, the author of most heart-stirring lyrical lines not only in Russian, but also in world poetry, was deprived of the title of hereditary nobility on account of failure to prove his gentrifice, and this fact remained an open sore for his whole life.

A brilliant composer and chemist, the founder of epic symphonic style was born to an old Georgian Prince by a 25-year-old woman. Little Alexander, the future author of the opera «Prince Igor», was registered as the son of the house serf Porfiry Borodin and up to the age of 8 was listed as a bondslave of his own father.

An actor, stage director, one of the founders of the Russian theater school Alexander Pavlovich Lensky is the illegitimate son of burdened with a multi-child family Prince Gagarin and an Italian opera singer.

The whole galaxy of poets, writers and artists were saved from death by People's Commissar for Education of the first Russian government Anatoly Lunacharsky who, by the way, was the illegitimate son of the daughter of Director of Chernigov province schools and the actual State Counsellor.

Finally, the «Swan Princess» of Russian and world ballet Anna Pavlova, who carried the secret of her origin away with her. But people who knew her closely, as well as researchers and ballet historians studying her fantastic life, unanimously claim that in no way she could be the daughter of a retired soldier Matvey Pavlov.

Some of them assign her fabulous appearance and craving for Oriental dance to the paternity of the laundry owner, a handsome Karaite.

Nevertheless, the majority of facts from Anna Pavlova's life testify that her father was a major Moscow banker, Commercial counsellor and a well-known public figure Lazar Polyakov, in whose house her mother served.

All these stories are spotlighted by Leonid Niessmann not to luxuriate the details of birth of the great Russian sons and daughters for the thousandth time. No, he shows how Damocles' sword of illegal birth hanging over them honed their talent and tripled their efforts.

Along with the description of the life and work of the main characters, much attention is paid to the description of their entourage.

There are also little-known details of their private life as well as rare illustrations.

Such a fascinating narration cannot plunge us enough into the abyss of Russian history and makes its characters closer and clearer, and therefore more necessary in our time.

Victor Leonidov, Candidate of historical Sciences, chief academic specialist of Russian Emigres House named after Alexander Solzhenitsyn, author and performer of songs in television series «Nikita Mikhailkov. Russian choice». Перевод Ирины Пластуновой

Бастарды. Кто это?

Кто такие бастарды? Откуда появилось это слово? Что оно означает? Хорошие вопросы, не так ли? Но, начав писать о бастардах, надо на них ответить.

В русский язык слово «бастард» пришло из средневерхненемецкого языка, а туда оно пришло из старофранцузского. Там оно означало «гибрид, помесь, потомство от скрещивания организмов, значительно отдалённых друг от друга в отношении родства». Дальнейшими сведениями о происхождении слова «бастард» наука не располагает.

Наиболее распространёнными значениями слова «бастард» в русском языке являются – «незаконнорождённый, внебрачный, побочный», то есть бастард – это человек, родившийся от отца и матери, не состоявших в законном браке. Возможно, при этом (правда, не обязательно), что один из супругов изменил другому.

Раньше это считалось ужасным позором на всю жизнь несчастного ребёнка. Считалось, что у бастардов нет и не может быть чести, поэтому им запрещалось наследовать титулы и членство в сословиях.

В русском языке существовала специальная система фамилиеположения для бастардов. От фамилии благородного родителя «отчекривался» один слог. Например, бастарды Трубецких звались Бецкими, бастарды Екатерины II и Потёмкина – Тёмкиными.

Везучему бастарду хоть как-то помогал тот родитель, который выше по классу (обычно, отец), а невезучему приходилось заботиться о себе самому. Впрочем, бывали случаи, когда бастарда признавал его родитель, и тогда он обретал все должные права наследования.

Например, Пьер Безухов из «Войны и мира» Льва Толстого, внебрачный сын екатерининского вельможи графа Кирилла Владимировича Безухова (его прототип – канцлер Российской империи граф Александр Безбородко).

Наряду с упомянутым выше Пьером Безуховым, в классической русской литературе XIX века встречается ещё довольно много бастардов. Например:

Саша – сын Троекурова от мамзель Мими, гувернантки Маши, милый мальчик из разбойничьего романа Александра Сергеевича Пушкина «Дубровский».

Павел Фёдорович Смердяков – слуга и повар помещика Фёдора Павловича Карамазова, его незаконнорождённый сын от городской юродивой Лизаветы Смердящей, моральный урод из последнего романа Фёдора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Фамилия Смердяков была дана ему помещиком Фёдором Павловичем Карамазовым в «честь» его матери.

Аркадий – сын знатного дворянина от его дворовой (и чужой жены), главный герой романа Фёдора Михайловича Достоевского «Подросток».

Митя – сын Николая Петровича Кирсанова от Фенечки (Федосьи Николаевны), дочери экономки, из романа Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети». Фенечка – крестьянка. Она малообразованна, глуповата и пустовата, но при этом – хороша собой и мила. Кирсанов был старше Фенечки на 20 лет.

В мировой истории известно много исторических личностей – бастардов. Среди них есть люди великие, а есть и ужасные.

Вот, например, Вильгельм I Завоеватель (William I the Conqueror, William the Bastard, 1028–1087) – незаконнорождённый сын правителя Нормандии герцога Роберта II Великолепного, известного также, как Роберт Дьявол, организатор и руководитель нормандского завоевания Англии, король Англии с 1066 года, один из крупнейших политических деятелей Европы XI века. Наверное, ни об одном из монархов средневековой Европы не сложено столько легенд, сколько создано о нём.

А вот – Леонардо ди сер Пьеро да Винчи (Leonardo di ser Piero da Vinci, 1452–1519), бастард, которого безоговорочно можно назвать гением всех времён и народов: итальянский художник (живописец, скульптор, архитектор) и учёный (анатом, естествоиспытатель), изобретатель, писатель, музыкант, один из крупнейших представителей искусства Высокого Возрождения, яркий пример «универсального человека» (homo universalis). Будущий гений родился в результате любовной связи богатого нотариуса Пьеро да Винчи (1427–1504) и крестьянки Катерины.

А теперь бастард совсем другого рода – Чезаре (Цезарь) Борджиа (Cesare Borgia, 1475–1507), политический деятель эпохи Возрождения из испанского рода Борджиа. Титулы – герцог валанский и романьольский, герцог Валентинуа, принц Андрии и Венафра, граф де Дюа, правитель Пьомбино, Камерино и Урбино, гонфалоньер и капитан-генерал Святой церкви. Герб рода Борджиа – красный бык на золотом фоне. Девиз: Aut Caesar, aut nihil («Или Цезарь, или ничто»).

Чезаре Борджиа остался в памяти потомков как один из величайших злодеев. Историки называют его убийцей, прелюбодеем и клятвopеступником. Яблочко от яблони недалеко падает. Чезаре был незаконным сыном одного из интриганов и отравителей эпохи Ренессанса кардинала Родриго Борджиа (в дальнейшем Папы Римского Александра VI) и римской куртизанки Ванноцци деи Катанней.

Ну а как обстоят дела в России по этому вопросу? Много ли в истории России было и есть знаменитых бастардов? А если много, то почему?

Россия – страна богатая на всё! И на бастардов тоже. Например, незаконнорождённых детей русских царей и цариц – не пересчитать. Но вот знаменитых среди этих бастардов – царевичей и царевен – найти трудно.

Значительно более интересным представляется поиск знаменитых бастардов в области русской культуры. И тут, как говорят в Одессе: «Их есть!»

Наиболее «урожайным» в смысле появления знаменитых бастардов в русской культуре является время с конца XVII до начала XX века. Почему именно в это время?

Как это ни удивительно, утверждает Виктор Михайлович Грибков-Майский, преподаватель-партнер Академии города Монпелье (Франция), автор около трехсот публикаций по вопросам культуры, «Русская литература должна быть благодарна тому, что существовало в России крепостное право и особенно тому, что оно продержалось так долго, вплоть до второй половины XIX века».

Сегодня можно назвать целую плеяду знаменитых бастардов – деятелей русской культуры – поэтов, писателей, композиторов, философов, художников, чьими матерями были крепостные, а отцами – соответственно те, кому они принадлежали. Зачастую история не сохранила не только фамилий, но даже имён этих женщин. Лишним будет говорить, что все эти знаменитости были от рождения внебрачными или незаконнорождёнными, и ни один из них не носил фамилию ни одного из своих родителей.

Однако, это был не единственный путь, каким образом появлялись на свет русские бастарды.

История России – это практически непрерывная череда войн, которые страна вела довольно успешно, постоянно прирастая всё новыми и новыми территориями и вбирая в себя всё новые и новые народы. Из военных походов было принято привозить военные трофеи, среди которых были и такие экзотические, как красивые женщины. Этим женщин, а проще говоря рабынь, иногда дарили «уважаемым» людям «на воспитание».

В 1770 году секунд-майор, помещик Тульской, Калужской и Орловской губерний, получил в подарок от приятеля двух турецких девушек, захваченных в рабство при штурме турецкой крепости Бендеры. Это были сёстры, отец которых погиб при защите города. Младшая из рабынь, которой было 11 лет, скончалась через год, а её 16-летняя старшая сестра выжила и осталась жить в доме помещика. В результате в 1783 году в России родился замечательный русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, сочинивший множество стихов, песен, романсов, баллад и эпических произведений, переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог.

Представитель баронского рода немецкого происхождения, восходящего к началу XIV века, губернский прокурор, влюбился в уроженку города Тобольска. В результате в 1833 году появился на свет будущий известнейший художник, академик живописи.

Ещё один случай. Богатый орловский помещик, мценский уездный судья, уездный предводитель дворянства, лечился за границей, где познакомился с молодой, но уже замужней местной дамой. В 1820 году он увёз эту даму, которая к тому времени была беременна вторым ребёнком от своего мужа, в Россию в своё имение, где через два месяца и родился будущий русский поэт, переводчик, мемуарист, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Последствием любовной связи пожилого грузинского князя и молодой дочери простого русского солдата явилось появление на свет ребёнка, который до 8 лет являлся крепостным своего отца. Мальчик получил чужое отчество и чужую фамилию, а потом вошёл в историю как выдающийся русский композитор, талант которого был равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере, и в романсе.

Представитель известного русского аристократического семейства, князь, обременённый семьёй, все предки которого были важными сановниками, встречается с приехавшей на гастроли в Россию оперной певицей итальянско-английского происхождения и влюбляется в неё с первого взгляда. Плодом этой любви стал великий российский театральный деятель, актёр, режиссёр, педагог,

Один из крупнейших московских банкиров, землевладелец, общественный деятель, коммерции советник, состоящий в браке, имел трёх сыновей и незаконнорождённую дочь, которую родила служившая у него в доме горничная. Дочь эта стала величайшей балериной двадцатого века.

Дочь статского советника, директора училищ Черниговской губернии, вышла замуж за представителя старого дворянского рода, коллежского асессора, стряпчего по уголовным делам Черниговского губернского правления. От её внебрачных отношений с приехавшим в город действительным статским советником родился ребёнок, который вошёл в историю как актив-

ный участник обеих русских революций, народный комиссар первого правительства России, писатель, политик, переводчик, критик, искусствовед, действительный член Академии наук СССР.

Судьбы этих и многих других знаменитых бастардов в русской культуре весьма интересны и во многом поучительны.

В книге приведены истории жизни семи знаменитых бастардов в русской культуре, описаны их пути из безрадостного, тяжёлого детства к высшим достижениям в русской культуре, в различных её областях. Их имена стали широко известны не только в России, не только в современном им мире.

И сейчас, в XXI веке, их творчество доставляет огромную радость знатокам и любителям подлинного искусства.

Семь героев настоящей книги – по рождению люди самых разных национальностей, но все они творили на благо России, считали Россию своей Родиной и были её патриотами.

Василий Андреевич Жуковский

ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК, КРИТИК, УЧИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМПЕРАТРИЦЫ, НАСТАВНИК ЦЕСАРЕВИЧА, АВТОР ДВУХ ГИМНОВ РОССИИ

Бунины

Бунины – старинный русский дворянский род. Этот род может гордиться своими представителями, которые составляют славу России. Некоторых из них знает весь мир.

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) – русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии 1933 года по литературе «За строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы».

Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921) – русский литератор, журналист, общественный деятель, педагог, участник революционного народнического движения, кандидат математиче-

ских наук, старший брат Ивана Алексеевича Бунина, на которого он оказал огромное влияние, взяв на себя его образование.

И. А. Бунин

Ю. А. Бунин

Анна Петровна Бунина (1774–1829) – русская поэтесса и переводчица, Русская Сапфо, Десятая Муза, Северная Коринна, как называли её современники.

Анна Петровна Зонтаг (1785–1864) – русская писательница, известна как автор многих детских книг, оригинальных и переводных (с французского, английского и немецкого языков). Начало её литературной деятельности относится к 1830 году. Повести и сказки Зонтаг, благодаря простоте и задушевности, приобрели в своё время большую известность. Особый успех имела составленная ею «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового завета», которая выдержала 9 изданий и получила Демидовскую премию. Известны также её «Волшебные сказки» (1868), «Подарок детям» (1861) «Сочельник» (1864) и другие.

А. П. Бунина

А. П. Зонтаг

Фамилию Анны Петровны несложно объяснить. Девичья фамилия её – Юшкова. В своей семье она слыла как благоразумная, не-увлекающаяся и неромантическая натура. В 1817 году Анна Петровна вышла замуж за Егора Васильевича Зонтага. Интересно, что слово «Зонтаг» в переводе с немецкого (Sonntag) значит «Воскресенье».

Егор (Джордж) Зонтаг родился в 1786 году в Филадельфии, служил в американском военно-морском флоте, разочаровался в службе, покинул американский флот и в 1811 году поступил на службу в российский флот. Когда началась Отечественная война 1812 года, Зонтаг перешёл в армию. Заграничную кампанию 1813–1814 годов он провёл в составе Дерптского конно-егерского полка, в 1814 году вступил в Париж в чине полковника. С 1816 года Егор Васильевич Зонтаг вновь на флоте. Командовал яхтой «Утеха», катал на ней ссыльного А. С. Пушкина, который во время южной ссылки бывал у Зонтагов в гостях. На полях рукописей Пушкина, по некоторым данным, есть портреты Зонтага и его жены. Существует гипотеза, что именно Егору Зонтагу было написано пушкинское стихотворение «Завидую тебе, питомец моря смелый...». Зонтаг уволился в отставку в чине бригадира и был назначен инспектором порта Одессы. В 1828–1830 годах он – «капитан над портом» в Одессе и инспектор городской карантинной конторы. Заезжим землякам он хвастал, что стал вторым по рангу после самого губернатора Крыма. Оставив в 1830 году морскую службу, Егор Зонтаг жил с семьёй в Одессе до своей смерти (1841).

Матерью Анны Петровны была **Варвара Афанасьевна Юшкова** (1768–1797), дочь помещика Тульской, Калужской и Орловской губерний **Афанасия Ивановича Бунина** (1716–1791), секунд-майора (секунд-майор – младший штаб-офицерский чин в Русской императорской армии в XVIII веке. Чин существовал с 1716 года и следовал за чином «капитан»). С конца XVIII века чин был упразднён).

В начале 1783 года у 67-летнего Афанасия Ивановича Бунина родился сын Василий, младший брат всех детей Афанасия Бунина и дядя его многочисленных внуков.

Однако, будучи на самом деле Василием Афанасьевичем Буниным, в российскую и мировую историю он вошёл как Василий Андреевич Жуковский.

Как же это получилось?

Рождение, детство

Записки об обстоятельствах рождения и первых годах жизни будущего поэта оставила его племянница Анна Петровна Зонтаг. Её дружба с Жуковским продолжалась в течение многих лет, и воспоминания её о нём являются источником первостепенной важности для истории рождения и детства великого поэта.

История его рождения неординарна, и поэтому надо начать её описание с времён, предшествующих его появлению на свет.

В течение шести лет, в 1768–1774 годах, шла русско-турецкая война, одна из ключевых по значению войн между Российской и Османской империями. Основной целью войны со стороны России являлось получение выхода к Чёрному морю, Турция рассчитывала получить Подолию и Волынь, расширить свои владения в Северном Причерноморье и на Кавказе, а также установить протекторат над Речью Посполитой.

В этой войне в составе Егерского корпуса принимал участие **Карл Иванович (Иоганн Карл Генрих) Муфель** (1736–1788), сын лютеранского пастора, из немецких дворян Верхней Франконии. На русскую военную службу он поступил из прусской армии в 1758 году и был зачислен поручиком армейской пехоты. В 1763 году был произведён в капитаны, а в 1769 году – в секунд-майоры.

В составе второй русской армии во главе с графом Петром Ивановичем Паниным участвовал в осаде и во взятии турецкой крепости Бендеры, расположенной в современном Приднестровье.

При штурме крепости Карл Муфель взял в плен двух сестёр-турчанок из Бендер, 16-летнюю Сальху и 11-летнюю Фатьму, отец которых погиб при защите города. В 1770 году он привёз их в Россию и подарил секунд-майору Афанасию Ивановичу Бунину. Будучи орловским помещиком, Муфель был знаком с Буниным как сосед и как приятель. Муфель отдал их Бунину «на воспитание».

Младшая из сестёр, Фатьма, через год скончалась, а её старшая сестра, Сальха, выжила и в 1786 году получила официальный вид «к свободному в России жительству», в котором было указано, что она крещена. Восприемницей (крёстной матерью) стала жена Бунина Мария Григорьевна. После крещения Сальха получила имя Елизавета Дементьевна Турчанинова.

Жизнь Карла Ивановича Мufеля окончилась трагически. 5 августа 1788 года он был отправлен в отставку с чином генерал-майора, однако сам он об этом узнать не успел, поскольку в ночь с 23 на 24 июля был убит в своём поместье своими же крепостными.

В законном браке у Афанасия Ивановича Бунина и его жены Марии Григорьевны Безобразовой родилось 11 детей, из которых к 1770 году выжило пятеро. Елизавета Турчанинова нянчила младших дочерей – Варвару и Екатерину. Но у Афанасия Ивановича не было наследника: его единственный сын Иван, подававший большие надежды (он даже был отправлен на обучение в немецкий город Халле вместе с отпрысками фаворитов императрицы Алексеем Бобринским и Александром Чесменским), но скончался, будучи ещё молодым.

Елизавета Дементьевна стала наложницей Афанасия Ивановича Бунина. Словарь Даля даёт следующие определения для этого слова: «незаконная жена», «служанка, убирающая постель; постельница». Её поселили в усадьбе Мишенское Тульской области в особом домике. В дальнейшем она заняла должность ключницы в поместье.

Со временем глава семьи поселился в доме у своей наложницы. У них родились трое дочерей, все трое умерли в младенчестве. После переезда Афанасия Ивановича к Турчаниновой Мария Григорьевна перестала пускать турчанку в усадебный дом и запретила общаться с ней дочери Варваре.

Родители: Афанасий Иванович Бунин и Турчанка Сальха (Елизавета Дементьевна Турчанинова) — *рисунок 14-летнего Жуковского.*

29 января 1783 года Елизавета Дементьевна Турчанинова родила сына. Крещён Василий был в усадебной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и записан как «незаконнорождённый сын дворовой вдовы».

Пётр Александрович Плетнёв (1791–1865), поэт пушкинской эпохи, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, в своих воспоминаниях пишет, что слышал от самого Жуковского, что его мать происходила из серая (дворца) турецкого паши Силистрии, портового города на северо-востоке Болгарии, административного центра одноимённой области.

Восприемником (крёстным отцом) Василия стал обедневший киевский помещик **Андрей Григорьевич Жуковский**, приживал Буниных. Он же усыновил Василия, передав ему свою фамилию и отчество.

По легенде, крёстной матерью вызвалась быть Варвара Бунина, а весной и сама Елизавета Дементьевна пришла к Марии Григорьевне и положила младенца Василия у её ног, после чего мир в поместье был восстановлен. Однако, профессор Принстонского университета Илья Юрьевич Виноцкий в своём исследовании «Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского» отмечает, что биографический миф об отношениях в семье Буниных был «сконструирован по лекалам романтической литературы XVIII века, а в действительности отношения в усадьбе были сложными до такой степени, что личные драмы требовалось смягчить и эстетизировать в глазах потомков».

История происхождения «Воспоминаний» о Жуковском такова. Пятидесятилетие писательской деятельности Василия Андреевича, парадно отпразднованное в доме князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), поэта, литературного критика, историка и публициста,

побудило редактора учёно-литературного журнала «Москвитянин» Михаила Петровича Погодина (1800–1875), журналиста, публициста и издателя, со своей стороны принести дань своего уважения Жуковскому.

Он обратился к дочери Варвары Афанасьевны Буниной, Авдотье Петровне Елагиной (1789–1877), переводчице, хозяйке знаменитого общественно-литературного салона, с просьбой написать о Жуковском в «Москвитянине». Авдотья Петровна передала это предложение своей старшей сестре Анне Петровне Зонтаг.

Анна Петровна представила в форме писем к князю Петру Андреевичу Вяземскому свои воспоминания о первых годах детства Василия Андреевича Жуковского, племянницей которого она являлась. Эти письма являются источником исключительной важности для биографии поэта.

Анна Петровна воспитывалась вместе с Василием Жуковским, которого Мария Григорьевна воспитывала как своего сына, хотя он был сыном её мужа и пленной турчанки Сальхи. Жуковский был старше своей племянницы на 2 года. Дети были очень дружны между собой. Когда девочке пошёл восьмой год, бабушка сочла необходимым отвезти её в Тулу к родителям, чтобы она не выросла совершенно чуждой своему семейству и могла бы пользоваться уроками гувернантки, которая воспитывала её сестер.

Мать Анны Петровны, Варвара Афанасьевна Юшкова, была хорошая музыкантша и большая театралка. Она умерла в 28 лет от чахотки. После смерти жены Пётр Юшков со своими дочерьми поселился с бабушкой Марьей Григорьевной. В 1809 году умер отец Анны Петровны, в следующем году – её бабушка, а вскоре, в 1811 году, и мать Жуковского. Имение Мишенское перешло, согласно завещанию, Анне Петровне. Анна Петровна Зонтаг скончалась скоропостижно 18 марта 1864 года в возрасте 78 лет.

Воспоминания Анны Петровны, напечатанные в «Москвитянине» в 1849 году под названием «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского», были перепечатаны после смерти Жуковского в «Москвитянине» со многими новыми подробностями, которые были сообщены Анной Петровной Зонтаг Михаилу Петровичу Погодину ещё в 1849 году, но не напечатанными своевременно «вследствие разных соображений».

Начало большого пути

В 1785 году Афанасий Иванович Бунин записал Василия сержантом в Астраханский гусарский полк. В 6-летнем возрасте Жуковский получил чин прапорщика и по неясной причине был уволен в отставку. В том же 1789 году ему наняли немца-учителя Екима Ивановича, но тот не обладал педагогическим талантом и обучением Васи занялся его приёмный отец Андрей Григорьевич Жуковский.

В 1790 году семейство Буниных переехало в полном составе в Тулу. Зимой Василия отдали в пансион Христофора Роде как приходящего ученика. Дополнительно ему наняли домашнего учителя Феофилакты Гавриловича Покровского (1763–1843), который работал в Главном народном училище. 27-летний Покровский был довольно известным в то время литератором, сторонником классицизма. Покровский не смог совладать с характером Василия и заявил, что тот лишён способностей.

В марте 1791 года в Туле 75-летний Афанасий Иванович Бунин скончался. По завещанию всё состояние он поделил между четырьмя своими дочерьми. Елизавете Турчаниновой и Василию Жуковскому не было оставлено ничего. Мария Григорьевна Бунина, вдова Афанасия Ивановича, передала Елизавете Дементьевне на сына 10 000 рублей, весьма значительную сумму. Глава семьи был похоронен в селе Мишенском, куда вернулись домочадцы.

Василия оставили в пансионе Роде вплоть до его закрытия в 1792 году. Осенью 1792 года он поступил в Главное народное училище, но вскоре был исключён за «неспособность».

Далее Василия приютило семейство Юшковых. Варвару Афанасьевну Юшкову, свою сводную сестру, Жуковский затем называл «хранителем своего детства». В её усадьбе Сальково был домашний театр, и зимой 1794 года Жуковский впервые испытал желание стать драматургом, равным если не Расину, то Сумарокову. Он сочинил трагедию на сюжет Плутарха «Камилл, или Освобождённый Рим», а далее мелодраму на сюжет романа «Поль и Виргиния», в которой явно просматривались его будущие литературные интересы.

В 1795 году семейство Юшковых попыталось хоть как-то обеспечить будущее Василия, инициировав процесс о внесении Жуковского во 2-ю часть Родословной книги по Тульской губернии.

Благодаря Андрею Ивановичу Протасову, супругу сестры Варвары Афанасьевны Юшковой, военная коллегия выдала «патент на чин» и «посемейный формуляр», в котором давняя отставка Василия не упоминалась. В один день 25 апреля 1795 года было подано заявление и тут же, с нарушением процедуры, вынесено «Определение» о внесении Жуковского в родословную книгу. Грамота на дворянство была получена 1 июня. Чтобы не было неприятностей по линии Департамента герольдии, было принято решение определить мальчика на действительную службу.

Осенью 1795 года Жуковского отправили в Кексгольм (в настоящее время – Приозёрск), в Нарвский полк, где когда-то служил его отец. И хотя указом Павла Петровича воспрещалось брать в офицеры несовершеннолетних, командир полка нарушил этот указ. Гораздо позднее, ревизией 1838 года нарушение было выявлено, но из родословной книги Жуковского не вычеркнули, а в следующем, 1839 году он – тогда действительный статский советник – был императорским указом пожалован «с потомством» дворянским достоинством.

Жуковский ещё один год провёл в имении Иленское, получая домашнее образование. Здесь же произошло знакомство с Андреем Тимофеевичем Болотовым (1738–1833), который посоветовал устроить Василия в Московский университетский благородный пансион – закрытое учебное заведение для мальчиков из знатных дворянских семей. В ноябре 1796 году хлопоты по его зачислению взял на себя муж Варвары Афанасьевны Пётр Николаевич Юшков.

В январе 1797 году Жуковского привезла в Москву Мария Григорьевна Бунина и представила его профессору кафедры энциклопедии и натуральной истории Московского университета. Экзамен-собеседование выявил, что юный Жуковский хорошо знает французский и отчасти немецкий язык, а также хорошо начитан по французской и русской литературе XVIII века.

Жуковский был принят в первый средний класс пансиона (то есть третий из шести) и достаточно быстро привык к уставу и порядкам. Привычку вставать в 5 часов утра он сохранил до конца жизни.

Программа обучения была достаточно либеральной: часть предметов ученики выбирали сами. Жуковский избрал историю, русскую словесность, французский и немецкий языки и рисование.

Ближайшим его другом стал Андрей Иванович Тургенев (1781–1803) – поэт и переводчик, сын директора университета Ивана Петровича Тургенева (1752–1807). Жуковского и Андрея Тургенева связывали общность интересов и круг чтения. Преподавателем русской словесности был Михаил Никитич Баккаревич (1775–1819), знаток просодии, учения об ударе, тоне, интонации, поклонник Ломоносова и Державина. Обязательным чтением пансионеров в то время был журнал «Приятное и полезное препровождение времени», выходивший два раза в неделю.

На каникулах 1797 года Жуковский обосновался в Мишенском, которое по завещанию Афанасия Бунина отошло Юшковым. В мае скончалась 28-летняя Варвара Афанасьевна от чихотки. В имении по-прежнему жили Мария Григорьевна Бунина и Елизавета Дементьевна Турчанинова.

Поселили Василия в бывшем флигеле его приёмного отца Андрея Григорьевича Жуковского, где обустроили библиотеку и где Василий Жуковский оставил первые пробы пера: стихотворение «Майское утро» и прозаический отрывок «Мысли при гробнице», подражание Эдварду Юнгу (1683–1765), английскому поэту-масону, зачинателю кладбищенской поэзии эпохи сентиментализма. Отрывок этот по словам литературоведа, почётного академика Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности Алексея Николаевича Веселовского (1843–1918), был написан 14-летним мальчиком под настроением от смерти Варвары Афанасьевны Юшковой.

Первое стихотворение Жуковского «Майское утро», как пишет литературовед Виктор Васильевич Афанасьев (1932–2015), «получилось ученически-робким» и казалось подражанием одновременно Гавриле Романовичу Державину (1743–1816) и Ивану Ивановичу Дмитриеву (1760–1837). Ода Державина «Бог» произвела на юного Жуковского такое впечатление, что он перевёл её на французский язык и написал автору восторженное письмо.

По примеру Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) стихотворение было безрифменным. Это было первым свидетельством того места, которое Карамзин занял в жизни и литературной судьбе Жуковского. Николай Михайлович стал для него учителем не только в поэзии, но и в жизни, а в 1815 году в одном из писем Жуковский назвал его своим «евангелистом».

Первые литературные опыты Василия были одобрены также Баккаревичем и переданы в редакцию «Приятного и полезного препровождения времени».

В. А. Жуковский

Н. М. Карамзин

Речи Жуковского каждый год читались на «торжественном акте», то есть на выпускном экзамене, и печатались в «Приятном и полезном препровождении времени». Актовые речи его были сосредоточены, прежде всего, на «внутреннем человеке», на выражении собственной точки зрения относительно проблем нравственно-философского характера, на создании общей картины мироздания.

После знакомства с Андреем Тургеневым Жуковский впервые заинтересовался немецкими романтиками, для чего ему пришлось углублённо заняться языком. Впрочем, даже в 1808 году он утверждал в одном из писем, что всё ещё скверно знаком с немецкой литературой и язык знает не настолько хорошо, насколько нужно.

Взявшись за перевод «Вертера» Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), Андрей Тургенев привлёк к работе поэта и критика Алексея Фёдоровича Мерзлякова (1778–1830) и Жуковского. Свою часть перевода Василий Андреевич обрабатывал в 1799 году в имении во время каникул. А. Н. Веселовский отмечал, что хотя энтузиаст Тургенев и ввёл Жуковского во «все течения современной немецкой литературы», он разбирался в ней «ощупью, не увлекаясь, а всё применяя к себе, к покрою своего мироздания».

В начале 1799 года было основано Собрание воспитанников университетского благородного пансиона, председателем которого был назначен Жуковский. Творения участников – стихи, басни, драматургические и прозаические фрагменты – образовали сборник «Утренняя заря», вышедший в свет в 1800 году.

В июне 1800 года по результатам выпускных экзаменов Жуковский удостоился именной серебряной медали, а его имя было помещено на мраморной доске у входа в пансион. В честь окончания университета Мария Григорьевна Бунина подарила ему все 35 томов «Энциклопедии» Дидро – д'Аламбера.

Будущее Жуковского было вполне определённым: ещё с 15 февраля 1800 года он числился в бухгалтерском столе Главной соляной конторы с жалованьем 175 рублей в год. С того

же числа он был переименован в статский чин городского секретаря. Кроме того, в декабре 1800 года он участвовал в последнем своём пансионерском акте.

Место в Соляной конторе Жуковский, скорее, считал синекурой, хотя это не соответствовало действительности. Служба в конторе (на расчётах «по математической части» в бухгалтерии) раздражала и тяготила Жуковского, в одном из писем он именовал её «гнилой». Большинство сослуживцев было старше его; сразу же не сложились отношения и с начальником.

Несмотря на эти обстоятельства, карьера Жуковского складывалась весьма успешно: уже 18 октября 1800 года он был повышен в чине до губернского секретаря, а 14 октября 1801 года он, имея чин 12-го класса Табели о рангах, вне правил был сразу пожалован чином титулярного советника, состоящего в 9-м классе Табели о рангах.

Стремление Жуковского покинуть службу наталкивалось на непонимание со стороны матери и Марии Григорьевны Буниной. Равным образом и друзья, особенно А. И. Тургенев, настаивали, что возможно совмещать чиновные и литературные занятия.

Наконец, отношения Жуковского с его начальством приняли форму открытого конфликта, после чего Василий Андреевич из принципа перестал появляться в конторе. Он был отрешён от должности и помещён под домашний арест, ему угрожало судебное дело за нарушение присяги. За него хлопотали Иван Петрович Тургенев (по просьбе сына) и директор Университетского пансиона Прокопович-Антонский.

Жуковский писал Андрею Тургеневу, что готов питаться только хлебом, но служить Отечеству он сможет только тем, чем может – пером сочинителя.

Писал он и Марии Григорьевне Буниной, прося разрешения поселиться в Мишенском. 4 мая 1802 года, уже после отставки «для определения к другим делам», состоявшейся 30 апреля, он получил следующий ответ: «Теперь осталось тебе просить отставки хорошей и ко мне приехать... Всякая служба требует терпения, а ты его не имеешь. Теперь осталось тебе ехать ко мне и ранжировать свои дела с господами книжниками».

Примерно в это время к Жуковскому через Тургеневых обратился Председатель московского Общества истории и древностей российских, историк, коллекционер и издатель Платон Петрович Бекетов (1761–1836), основатель лучшей типографии в Москве того времени. Развивая программу просветительского книгоиздания, Бекетов планировал выбирать для перевода значительные произведения европейской литературы.

Дома, раздумывая об этом, Жуковский взглянул на книжные полки, и его осенило: да вот же оно – шесть томов «Дон Кихота» Сервантеса (1547–1616) во французском переводе Флориана. Бекетов одобрил выбор и обещал издать перевод на лучшей бумаге, с гравюрами и портретами.

В один вечер Жуковский перевёл «Предисловие» Флориана, где сказано, что «Дон Кихот – сумасшедший делами, мудрец мыслями. Он добр; его любят; смеются ему и всюду охотно за ним следуют». Жуковский прочувствовал, что книга Сервантеса – не грубый фарс, а великое творение мудреца, поборника справедливости, добродетели.

Перевод «Дон Кихота» растянулся на несколько лет: первый том вышел в 1804 году, а всё издание было завершено к 1806 году.

Блистательная карьера поэта, писателя, переводчика Василия Андреевича Жуковского началась.

Государева служба

Судьба Жуковского в очередной раз определилась случайно. В конце апреля 1817 года в город Дерпт (теперь Тарту) прибыл Григорий Андреевич Глинка (1776–1818) – поэт, писатель, переводчик и помощник воспитателя при Великих князьях Николае и Михаиле Павловичей, назначенный также учителем русского языка молодой супруги великого князя Николая (1796–1855) принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине Прусской (1798–1860).

Глинка был тяжело болен, но не мог оставить должности, не предложив замены, и поэтому обратился к Василию Андреевичу. Андрею Тургеневу Жуковский сообщал, что место это чрезвычайно выгодное: пять тысяч рублей жалованья, квартира во дворце великого князя, занятия ежедневно по одному часу, прочее время свободное. «Обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью. Это главное! Это не работа наёмника, а занятие благородное. Здесь много пищи для энтузиазма, для авторского таланта».

Василий Андреевич Жуковский поступает на службу к царской семье. В течение двух лет он трудился чтецом Марии Фёдоровны (до перехода в православие – София-Мария Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская, 1759–1827), вдовы императора Павла I, матери императоров Александра I и Николая I.

Следующие 25 лет писатель проведёт на придворной службе. Он занимается педагогической деятельностью, обучает русскому языку и литературе жену императора Николая Первого, принявшую русское имя Александра Фёдоровна. Позже уроки Василия Андреевича посещает супруга Михаила Павловича Елена Павловна. Жуковский постепенно расширял кругозор подопечных, включая в программу обучения философию, историю, педагогику и эстетику.

Император Николай I

Императрица Александра Фёдоровна

Опыт, знания позволили Жуковскому продвинуться по карьерной лестнице. Василия Андреевича назначили наставником цесаревичей. С этого времени автор сказок, стихотворений и баллад стал руководителем воспитателей и учителей, трудящихся в царской семье. Жуковский признавался, что на новой должности он мог «творить добро».

В 1825 году уже в чине надворного советника Жуковский был назначен наставником будущего императора Александра II (1818–1881). Идея воспитания наследника престола великого князя Александра Николаевича увлекла Жуковского.

Жуковский – наставник цесаревича Александра Николаевича

Карьера наставника цесаревича подразумевала ответственность перед маленьким мальчиком и большим государством, поэтому учитель читает и перечитывает художественную, педагогическую, философскую литературу. Жуковский подготовил для наследника престола библиотеку и разработал план обучения и дневное расписание, которое одобрил царь.

Василий Андреевич отвечал за русскую грамматику, физику, историю человека, историю и географию. Уроки, которые вели другие преподаватели, не оставались без внимания Жуковского. Писатель давал учителям рекомендации, как лучше преподавать тот или иной предмет. Василий Андреевич хотел видеть на русском престоле образованного царя, поэтому ко двору приглашал учёных. У Жуковского было своё видение будущего правителя. Цесаревич должен стремиться к образованности, но забывать о душевности нельзя. «Где правитель любит народное благо, там и народ любит власть правителя», – утверждал Василий Андреевич.

В течение 12 лет наставник обучал наследника престола. Только когда цесаревич стал совершеннолетним, официально работа при дворе для Жуковского завершилась. На прощание цесаревич Александр получил от педагога подарок – «образовательное путешествие». Будущий правитель вместе с Жуковским отправился в поездку по городам России и странам Западной Европы. Василий Андреевич самостоятельно составил маршрут, во время поездки по которому цесаревич познакомился со своим государством.

Тем временем в 1841 году отношения царского двора и Жуковского накалились до предела. Писатель получил отставку и уехал в Германию.

Российские гимны

Появление в Российской империи первого официального гимна связано с победой в Отечественной войне 1812 года и прославлением императора Александра I (1777–1825). В музыкальных произведениях прославлялся русский царь-победитель. Подобные песни появляются уже в 1813 году.

В 1815 году Василий Андреевич Жуковский написал и опубликовал в журнале «Сын Отечества» стихотворение под названием «Молитва русского народа», также посвящённое Александру I:

Боже, Царя храни!

Славному долги дни

Дай на земли!

Гордых смирителю,

Слабых хранителю,

Всех утешителю —

Всё ниспошли!

Перводержавную

Русь православную

Боже, храни!

Царство ей стройное,

В силе спокойное!

Всё ж недостойное

Прочь отжени!

О, Провидение!

Благословение

Нам ниспошли!

К благу стремление,

В счастье смирение,

В скорби терпение

Дай на земли!

И именно это произведение, но под названием «Молитва русских», было использовано в качестве российского гимна.

«**Молитва русских**» – первый Высочайше утверждённый Государственный гимн России. В конце 1816 года Александр I издал указ, который установил порядок исполнения гимна. Гимн должен был исполняться при встречах императора.

«**Молитва русских**» исполнялась на музыку британского гимна «Боже, храни Короля!», автором музыки и слов которого был Генри Кэри (1687–1743), учитель музыки из Лондона. О нём известно крайне мало. В 1743 году он покончил с собой, оставив в нищете жену и шестерых детей.

Его песня «**Боже, храни Короля!**» впервые была опубликована в Англии в 1774 году без указания авторства. Музыковеды приписывали авторство различным композиторам, наиболее известным из которых был Георг Фридрих Гендель (1685–1759). Ко времени первой публикации этой песни в России в 1813 году с русским вольным переводом Александра Христофоровича Востокова она считалась народной.

Гимн «Боже, храни Короля!» известен со времён правления короля Георга II Ганноверского (1683–1760). Есть записи об исполнении этой мелодии в театрах с 1745 года.

В настоящее время, во время королевы Елизаветы II, наиболее известна феминизированная версия английского гимна. В периоды монарха мужского пола слово «Королева» (Queen) заменяется на «Король» (King), также заменяются соответствующие личные местоимения.

Песня «Молитва русских» оставалась государственным гимном России вплоть до 1833 года, когда она была заменена гимном «**Боже, Царя храни!**».

В 1825 году российским императором становится Николай I, третий сын императора Павла I и Марии Фёдоровны, родной брат императора Александра I, отец императора Александра II.

В 1833 году во время визита Николая I в Австрию и Пруссию его повсюду приветствовали звуками английского марша. Император выслушивал эту мелодию без энтузиазма. Кстати, в гимне самой Российской империи к тому времени уже почти 20 лет официально использовалась эта же мелодия английского гимна.

Как известно, Николай I не любил подчиняться иностранцам. Нового императора существующий гимн не устраивал. Ему хотелось, чтобы гимн России не был связан с британской музыкой.

В числе сопровождавших императора во время его визита в Австрию и Пруссию был Алексей Фёдорович Львов (1798–1870), скрипач-виртуоз, композитор, дирижёр, музыкальный писатель и общественный деятель. Обращаясь к нему, император сказал: «Скучно слушать музыку английскую, столько лет употребляемую».

В том же 1833 году по указанию Николая I состоялся закрытый конкурс на создание нового российского гимна. Авторам следовало отразить в нём единство православия, самодержавия и народности. В отличие от гимна, существующего с 1816 года, новый гимн должен был показать не роль Бога, а роль царя в государственной власти.

Среди лучших участников конкурса были поэты Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868) и Василий Жуковский и композиторы Михаил Иванович Глинка (1804–1857) и Алексей Львов.

Михаил Глинка предлагал в качестве гимна заключительный хор «Слався» из его оперы «Жизнь за царя», слова к которому приписываются Василию Жуковскому и барону Егору Фёдоровичу Розену (1800–1860), драматургу, писателю, поэту и критику. Первоначальный вариант песни был монархическим, второй стал патриотическим и даже иногда рассматривался как неофициальный гимн России. «Слався» регулярно играли на парадах в оркестровом варианте как торжественный марш. И до сих пор его часто исполняют по особо памятным и юбилейным датам. Однако, этот вариант отвергли, и Глинка очень расстроился.

Василий Жуковский переработал свой текст прежнего гимна. Сократив его в несколько раз, он сделал его лаконичнее и символичнее. Сам Жуковский не акцентировал внимания на своём авторстве, подчёркивая, что автором гимна-молитвы является народ.

Автором музыки царь выбрал близкого и преданного ему человека – Алексея Львова.

Алексей Фёдорович Львов (1798–1870), родился в Ревеле в аристократической и музыкальной семье. Его отец был директором Придворной певческой капеллы. Алексей Фёдорович получил хорошее музыкальное образование, учился игре на скрипке. Однако по окончании Корпуса инженеров путей сообщения в 1818 году он попал на военную службу под начальство графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834). Львов не раз пытался уйти со службы и начать серьезно заниматься музыкой. Однако не мог отказать шефу жандармов Александру Христофоровичу Бенкендорфу (1782–1844) и перешёл на службу в Министерство внутренних дел, убедительно прося, «не употреблять его по секретной части», для чего был неспособен.

В 1826 году он был прикомандирован к свите Николая I, сначала для «производства дел до вояжей относящихся», а затем стал управляющим делами Императорской Главной квартиры. Принимал участие в войне с Турцией в 1828–1829 годах, участвовал в боях под Варной, получив свои первые боевые награды. В 1832 году Львова зачисляют в почётный Кавалергардский полк, он командует царским конвоем, сопровождая царя во всех поездках.

С этого времени он становится близок не только к императору, но и к его семье, аккомпанируя на скрипке и участвуя в домашних концертах императорского семейства.

Львов очень волновался, сочиняя музыку к гимну. Он писал: «Я чувствовал надобность создать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для – от учёного до невежды».

Гимн Жуковского – Львова состоит всего из 6 строчек:

Боже, Царя храни!

Сильный, державный,

Царствуй на славу нам;

Царствуй на страх врагам,

Царь православный!

Боже, Царя храни!

Благодаря возвышенной, хоральной мелодии он звучал исключительно мощно. Всего шесть строк текста и 16 тактов мелодии легко запоминались и были рассчитаны на куплетный повтор – трижды.

Василий Жуковский

Алексей Львов

В ноябре 1833 г. царь с семейством специально прибыл в Певческую капеллу, где состоялось первое исполнение музыки гимна. Прослушанная несколько раз мелодия понравилась царю и он отдал приказание «показать» её широкой публике.

В декабре 1833 г. в Большом театре в Москве оркестр и вся труппа театра участвовали в представлении «Русской народной песни» (так был назван в афише гимн «Боже, Царя храни!»). На следующий день в газетах появились восторженные отзывы.

В качестве Государственного гимна России произведение Жуковского – Львова было утверждено в канун Рождества 1834 года – 6 января – высочайшим Указом Николая I.

Также командир Отдельного гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович отдал приказ: «Государю Императору благоугодно было изъявить своё соизволение, чтобы на парадах, смотрах, разводах и прочих случаях вместо употребляемого ныне гимна, взятого с национального английского, играть вновь сочиненную музыку».

30 августа (11 сентября по новому стилю) 1834 г. на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге был открыт монумент – Александровская колонна – в честь победы над Наполеоном в войне 1812 года. Торжественное открытие монумента сопровождалось парадом войск, перед которым впервые в столь официальной обстановке исполнялся гимн России «Боже, Царя храни!».

Музыка гимна «Боже, Царя храни!» стала быстро известна в Европе. Алексей Львов спустя сорок лет удостоился почётного места на аллегорической картине Ильи Репина (1844–1930) «Славянские композиторы» между Глинкой, Даргомыжским, Римским-Корсаковым, Балакиревым, Шопеном, Огинским и другими.

Пётр Ильич Чайковский использовал мелодию «Боже, Царя храни!» в трёх своих произведениях – в «Славянском марше», в Торжественной увертюре «1812 год», написанной в 1880 году и исполнявшейся по случаю освящения Храма Христа Спасителя в Москве, а также в Торжественном марше по случаю коронации императора Александра III.

Незадолго до смерти Жуковский написал Львову: «Наша совместная двойная работа переживёт нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который её присвоил. Из всех моих стихов, эти смиренные, благодаря Вашей музыке, переживут всех братьев своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, в Лондоне, в Риме!»

Гимн «Боже, Царя храни!» был отменён сразу же после Февральской революции 1917 года. 2 марта 1917 года, через 5 дней после отречения от престола Николая II, Временным правительством России в качестве государственного гимна была утверждена «Рабочая Марсельеза» – русская революционная песня на мелодию французского гимна, песни «Марсельеза». Пели её на слова одного из идеологов народничества Петра Лавровича Лаврова (1823–1900) и музыку французского поэта и композитора Клода Жозефа Руже де Лиля (1760–1836), написавшего в 1792 году слова и музыку для революционного гимна «Марсельеза».

Первое время она исполнялась в России под оригинальную французскую мелодию, но затем композитор Александр Константинович Глазунов (1865–1936) видоизменил музыку так, чтобы она лучше соответствовала русским словам.

В 1903 году итальянский композитор Умберто Джорджано (1867–1948) включил музыку гимна в свою оперу «Сибирь».

Советская Россия слышала гимн «Боже, Царя храни!» только после сорокалетнего перерыва, в 1958 году, в фильме Сергея Аполлинариевича Герасимова (1906–1985) «Тихий Дон».

Пушкин

День 26 марта 1820 года у двадцатилетнего Александра Пушкина выдался насыщенным. Лицейский учитель Пушкина Василий Андреевич Жуковский пригласил его на литературное собрание, которое должно было состояться вечером. То, что эта литературная встреча была запланирована на Страстную пятницу, самый строгий день в году, любителей словесности не смущало.

Юный Пушкин

Молодому Пушкину вовсе не хотелось предстать перед именитой публикой, собиравшейся у Василия Андреевича, с пустыми руками. Он планировал завершить работу над своей первой поэмой «Руслан и Людмила», начатой ещё в лицее, и собирался прочесть её литературному бомонду этим вечером у Жуковского, к которому испытывал глубочайшее уважение.

Дружественные отношения между Василием Жуковским и Александром Пушкиным возникли сразу же после знакомства в Царском Селе.

«Я сделал ещё приятное знакомство, – писал впоследствии Жуковский Петру Вяземскому, – с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт».

Так просто, без тени зависти, Жуковский предугадал в шестнадцатилетнем юноше будущее русской поэзии.

Тот день выдался для молодого поэта на редкость удачным. Он закончил поэму и в тревожном ожидании отправился к Жуковскому, где впервые прочитал её взыскующей публике. По прочтении «Руслана и Людмилы» наступила полная тишина. Слышно было только мерный ход часов на камине, да стук чайных чашек, устанавливаемых горничной для вечернего чаепития.

Пушкину в это время было 20 лет. Его поэма «Руслан и Людмила» восхищала современников, в том числе и Жуковского, который в 1817 году выпустил в свет свою волшебную поэму «Двенадцать спящих дев».

Через несколько минут потрясенный Жуковский вскочил со стула, взял свой портрет работы Ермолая Ивановича (Отто Германа) Эстеррейха (1790–1834) и в полном молчании надписал:

«Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высоко торжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820. Марта 26. Великая пятница»

Несмотря на то, что в поэме присутствовали элементы пародии по отношению к балладе Жуковского «Двенадцать спящих дев», Василий Андреевич сердечно радовался пушкинской шутке, он безоговорочно признал гениальность поэмы своего ученика.

Жуковский был в полном восторге от остроумной, блестящей, искрящейся весельем поэмы Пушкина. Взволнованный не менее его Александр Сергеевич написал на этом же портрете свой экспромт, адресованный Василию Андреевичу:

Его стихов пленительная сладость

Пройдёт веков завистливую даль,

И, внемля им, вздохнёт о славе младость,

Утешится безмолвная печаль

И резвая задумается радость.

Пушкин очень дорожил портретом, подаренным Жуковским. С ним он никогда не расставался. Портрет – литография работы художника Ермолая Эстеррейха передает облик Жуковского лучшей поры его жизни. На нём основоположник русского романтизма выглядит романтически и загадочно.

На портрете, подаренном Пушкину, изображён поэт, который не похож на побеждённого. Да и на учителя он не похож. Он был «первым вдохновителем». Когда-то ещё в лицее Пушкин, обращаясь к Жуковскому, сказал: «Благослови, поэт!» И Жуковский не только «посвятил» его в поэты, предсказал ему великую славу, но и преподал ему пример рыцарственного, самоотверженного служения русской поэзии.

Надпись на портрете, сделанная Жуковским, принадлежит к числу классических произведений, вышедших из-под его пера. И она не так проста, как может показаться. Побеждённый... Но побеждённые так не пишут. Сколько здесь в каждом слове весёлой энергии и великодушной силы. Жуковский был «вдохновителем». Это его особенная роль в истории русской поэзии.

Этот портрет и сейчас висит над рабочим столом в кабинете последней пушкинской квартиры на Мойке. И дарственная надпись Жуковского, и пророческие строки «победителя-ученика» давно стали хрестоматийными.

Живые, творческие отношения двух поэтов сохранились навсегда, хотя и подвергались постоянным, непростым испытаниям.

Пушкину приходилось регулярно выслушивать житейские нравоучения и наставления Жуковского (пусть в шуточной, арзамасской форме). Жуковскому же нужно было считаться с самим фактом существования пушкинской поэзии. Мысль, что старший именно с этой поры всё больше уходит в переводы, как бы «не смея» сочинять при Пушкине, высказывалась неоднократно, и в этом, конечно, есть доля истины.

Жуковский был очень взволнован скандалом, который был связан с женой Пушкина Натальей Николаевной (1812–1863) и Жоржем Дантесом (1812–1895). Примечательно, что Василий Андреевич встал на сторону Натальи Николаевны.

Наталья Николаевна Гончарова

Жорж Дантес

Барон Геккерн

Он взялся быть посредником барона Луи-Якоба-Теодора Геккерна (1792–1884), приёмного отца Дантеса. 9 ноября 1836 года Жуковский пришёл с этим предложением к Пушкину, который твёрдо отказался встречаться с Дантесом. Жуковский, тем не менее, не стал давать ответа Геккерну и всячески упрашивал поэта одуматься. От всех сторон скандала он упорно добивался прекращения дела и молчания обо всём случившемся, но Пушкин категорически отказался следовать советам Жуковского.

В сердцах Василий Андреевич писал: «Хотя ты и рассердил и даже обидел меня, но меня всё к тебе тянет – не брюхом, которое имею уже весьма порядочное, но сердцем, которое живо разделяет то, что делается в твоём».

27 января 1837 года Жуковский услышал о смертельном ранении Пушкина. Узнав от доктора Арендта, что смерть неминуема, он поехал к раненому поэту. Когда на следующий день Пушкин прощался с близкими и друзьями, Жуковский смог только поцеловать ему руку, не в силах вымолвить ни слова.

Далее он отправился во дворец спасти бумаги поэта и попытаться помочь секунданту Пушкина Константину Карловичу Данзасу (1801–1870).

Пушкин умер 29 января 1837 года, в день рождения Жуковского. В последнюю ночь Пушкина у его постели сидел Владимир Иванович Даль (1801–1872), а Жуковский ожидал в соседней комнате. После выноса тела Жуковский опечатал кабинет поэта своей печатью.

2 февраля Жуковский известил, что государь повелел ему, а не Данзасу проводить тело Пушкина для захоронения.

7 февраля Жуковский перевёз архив Пушкина для разборки себе на квартиру, где его встретил глава тайной полиции при Николае I и управляющий III отделением Леонтий Васильевич Дубельт (1792–1862), и официально передал бумаги на хранение в отдельной комнате, которую опечатали они вдвоём.

Право, данное Жуковскому государем, сжечь те бумаги, которые могли бы повредить памяти Пушкина, было отменено. Разбор бумаг был закончен к 25 февраля, причём Жуковский писал императору, что не мог читать личных писем и предоставил это Дубельту.

Рукописи и черновики остались у Жуковского, включая неопубликованные поэмы «Медный всадник» и «Каменный гость». Жуковский с друзьями взяли на себя продолжение издания журнала «Современник». Шестой том журнала «Современник» за 1837 год был издан после смерти Пушкина в пользу его детей. Жуковский же добился печатания полного собрания сочинений Пушкина, начатого в 1838 году.

С февраля 1837 года многие свои письма Жуковский запечатывал перстнем Пушкина, снятым с уже мёртвого тела. Этот перстень-печатка был воспет Пушкиным в стихотворении «Талисман».

Пушкин, воспитанный с детства на русских сказках и преданиях, был человеком довольно суеверным и придавал вещам, его окружающим, весьма важное значение. Одним из таких культовых предметов в жизни поэта был перстень с сердоликом, поверхность камня которого украшала гравировка на древнееврейском языке. Пушкин не знал смысла надписи, но искренне верил в то, что этот перстень оберегает его поэтический дар. В 1827 году он посвятил этому украшению стихотворение «Талисман», в котором приоткрыл завесу тайны его происхождения.

Сегодня доподлинно известна история этого необычного подарка, который поэт получил во время южной ссылки от супруги губернатора Новороссийского края Елизаветы Воронцовой.

После смерти Пушкина кольцо перешло к Жуковскому, потом долгие годы хранилось в семье Тургенева и, наконец, было передано в петербургский дом-музей поэта. Однако во время революции перстень таинственным образом исчез. Вора, который его похитил, найти все же удалось, а вот сама реликвия пропала бесследно.

Жуковский считается духовным и поэтическим наставником Пушкина. В литературоведении он признаётся крупнейшим писателем, подготовившим возможность переворота, осуществлённого в русской поэзии Александром Пушкиным.

Как реформатор поэзии, Жуковский сам внёс множество новшеств в русскую метрику, впервые введя в поэзию на русском языке амфибрахий и различные сочетания разностопных ямбов.

Насмешки современников (в том числе и Пушкина) вызвали его белые пятистопные ямбы. Однако, с середины 1820-х годов Пушкин сам стал пользоваться белым стихом.

Жуковский же смог окончательно преодолеть предубеждение современников перед гекзаметром, он разрабатывал особый повествовательный стих, который сам именовал «сказочным гекзаметром». Размер этот был воспринят в немецкой романтической поэзии. С 1810-х годов в поэзии Германии гекзаметр стал ступенью к разработке повествовательного стиха, и такую же роль он сыграл в творчестве Жуковского.

Наследие Жуковского как оригинального поэта-романтика и переводчика оказалось востребовано всей последующей русской культурой от Пушкина до символистов, Цветаевой, Пастернака.

В своей книге «Жуковский. Жизнь Тургенева. Чехов» выдающийся русский писатель Борис Константинович Зайцев (1881–1972) объявил Жуковского «единственным кандидатом в святые от литературы».

Мария Протасова

Несмотря на впечатляющие успехи в поэзии и благосклонность императорской семьи, в личной жизни Василий Андреевич долгое время был глубоко несчастен.

Долгие годы он был безнадежно влюблён в юную Марию Протасову (1793–1823), старшую дочь тульского губернского предводителя дворянства и, одновременно, азартного картёжника, Андрея Ивановича Протасова и его супруги Екатерины Афанасьевны, урождённой Буниной (1770–1848), своей сводной сестры.

Жуковский активно оказывал девушке знаки внимания и помогал её семье. В начале 1805 года он вызвался переехать к Екатерине Афанасьевне. Недавно умерший супруг её, имевший большие карточные долги, оставил жену без денег и надежды, что их девочки – Мария и Александра – получат достойное образование. А тут – Жуковский, брат по отцовской крови, прекрасный педагог и умница, приехал с сундуком книг и без промедления приступил к учительству. Просто подарок судьбы!

Сестры Протасовы отличались, как луна и солнце. Младшая Саша, яркая, жизнерадостная, озорная, обещала вырасти в великолепную красавицу. Маша, напротив, чертами простовата, всегда тиха, всегда послушна. Но было в её сдержанности такое ласковое очарование, такая сладостная умиротворенность, что Жуковский терял себя и любовался ей. Он видел Машу не такой, какой она была сейчас, а той, кем она может стать. Родной душой, верной покладистой супругой. А большего ему для счастья и не надо.

9 июля 1805 года Жуковский сделал в своём дневнике следующую запись: «Можно ли быть влюблённым в ребёнка?» Он признавал, что любит Машу и надеется впоследствии связать свою судьбу с ней: «Я был бы с нею счастлив, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности». Жуковскому в это время было 22 года, Маше Протасовой – 12 лет.

С течением времени скрывать чувства, которые он испытывал к Маше, Жуковскому становилось всё сложнее. Летом 1807 года он объяснился со старшей Протасовой, и его опасения подтвердились: сестра строго придерживалась религиозных правил и считала родство слишком близким для заключения брака. Кроме того, по мнению Екатерины Афанасьевны, дочь её была ещё очень молода. Для Жуковского начались долгие годы борьбы за счастье.

А Маша ничего не знала об этом первом сватовстве. Ей было 15, и чувство её к Жуковскому горело восторгом юной ученицы перед весёлым и привлекательным учителем.

Мария Протасова, рис. В. А. Жуковского

И вот – отказ. Екатерина Афанасьевна настроена решительно. Однако раздражённый и обиженный Жуковский надежды не терял, ибо знал, что любим. Сияющие глаза Маши выдавали её с головой, и Василий Андреевич, срываясь по делам в Петербург, верил, что не всё потеряно. Пусть пройдёт время. Екатерина Афанасьевна успокоится, а он поговорит со священниками, спросит позволение церкви, и всё уладится. Не может же любовь идти вразрез с Законом Божиим! Но мать Марии была непреклонна и не давала благословения на брак, считая близкое родство потенциальных супругов неприемлемым.

Мария, также как и Екатерина Афанасьевна, была глубоко религиозна, она верила, что в человеческой жизни есть смысл только потому, что существует «будущая вечная жизнь». Жизненные испытания она принимала без жалоб, по словам своей сестры Александры, «ища и находя в этом счастье». Александра удивлялась способности Марии превращать в поэзию самые обыденные жизненные обязанности и «распространять вокруг себя аромат благоухающего благочестия».

О том, что Жуковский любит её и собирается сделать ей предложение, Маша узнала в 1811 году из письма графини Анны Ивановны Плещеевой (1776–1817), близкой приятельницы Жуковского и посредницы в их отношениях. Письмо это увидела мать. Маша, по её словам, «упала ей в ноги» и клялась никогда не соглашаться на брак с Жуковским, уверяя, что испытывает к нему лишь родственную любовь. Как утверждала Екатерина Афанасьевна, Маша намеревалась просить Жуковского «оставить их», но она (Екатерина Афанасьевна) «удержала её».

И впоследствии мать утверждала, что дочь не влюблена в Жуковского, и что она была бы спокойна, если бы он победил свою страсть.

Василий Жуковский

Мария Протасова

Впервые Жуковский просил руки Марии в январе 1812 года, но Екатерина Афанасьевна решительно отказала, заявив, что «по родству эта женитьба невозможна», более того, она запретила брату даже упоминать о своих чувствах.

В начале Отечественной войны Жуковский вступил в ополчение, 2 августа он простился с Протасовыми, которые жили в то время вместе с другой его племянницей, Авдотьей Киреевской (1789–1877), дочерью Варвары Афанасьевны Юшковой, сводной сестры Жуковского, и её мужа, в Орле в доме Плещеевых, и 19 августа отправился из Москвы со своим полком в Бородино.

Вторично поэт сватался в апреле 1814 года, и снова Протасова-старшая отказала ему, к тому же она запретила сводному брату появляться в их доме.

С Машей он переписывался, передавая ей тайно тетради, «синенькие книжки», это были послания в виде дневников. Маша отвечала, что они несчастливы, она обвиняла себя в том, что Жуковский не может писать, и требовала, чтобы он много работал («Итак, занятия! Непременно занятия!»). Уверяя его, что через несколько лет они будут вместе, просила уехать его в Петербург. Она не только восприняла «философию смирения», но в отличие от Жуковского, сумела соединить «смирненное ожидание» и стремление к деятельному образу жизни. Впрочем, Маша страсти к Василию не испытывала, искренне считая его своим другом и учителем.

Увы, но стало слишком очевидно: Жуковскому не уговорить старшую Протасову, Маше не быть его женой.

К тому же выводу пришла и Маша. И потому на предложение своего врача, голландца Иоганна Мойера, ответила согласием. «Бог хотел дать мне счастье, послав Мойера, но я не ждала счастья, видела одну возможность перестать страдать», – признавалась она в дневнике.

Жуковский принял её решение безропотно, и только пожелал убедиться, что Мойер достоин несравненной Маши. Голландец ему понравился, они смогли подружиться: заботливый, степенный благородный человек. Да, пожалуй, ему можно верить судьбу любимой.

В феврале 1816 года брак был уже делом решённым, и Жуковский, как он внутренне ни готов был к такому исходу, пережил сильнейшее потрясение. Самой Маше, несмотря на все достоинства жениха, решение о замужестве далось тяжело. Более всех её понимала, вероятно, лишь Авдотья Киреевская, которая не одобряла союза Маши с Мойером и до самого последнего момента надеялась, что Маша сделает выбор в пользу Жуковского.

Иван Мойер

Иван Филиппович Мойер (1786–1858) происходил из голландской семьи, переселившейся в Россию. Сын пастора в Ревеле. Сначала изучал богословие в Дерптском (Тартусском) университете (1803–1805). После этого отправился за границу для изучения медицины. Был слушателем Геттингенского университета, а затем занимался хирургией в Павийском университете, одном из старейших университетов Италии. В городе Павия получил степень доктора хирургии. Работал в госпиталях Милана и Вены.

Время возвращения Мойера на родину совпало с Отечественной войной, и он смог сразу же применить свои знания в военных госпиталях. Под конец войны Мойер работал помощником заведующего госпиталем в Дерпте. Получил степень доктора медицины и хирургии (1813) в Дерптском университете. Занимался практической хирургией. С 1815 года – ординарный профессор и руководитель кафедры хирургии Дерптского университета. Неоднократно избирался деканом медицинского факультета, а в 1834–1835 академическом году был ректором университета.

В связи с открытием новых университетов одной из главных задач системы образования в Российской империи стало создание отечественной системы подготовки преподавателей выс-

шей школы. Для этой цели в 1828 году при Дерптском университете был открыт Профессорский институт. Одной из форм подготовки была практика командировок выпускников университетов, будущих профессоров, «с учёной целью на два года за границу».

Мойер был одним из руководителей Профессорского университета. Среди его учеников были Николай Иванович Пирогов (1810–1881) – хирург и учёный-анатом, естествоиспытатель и педагог, основоположник русской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии, и Владимир Иванович Даль (1801–1872) – военный врач, писатель, этнограф, собиратель фольклора. Уйдя 9 марта 1836 года в отставку, Мойер передал кафедру хирургии Николаю Ивановичу Пирогову.

Он успевал соединять преподавательскую деятельность, занятия медициной и благотворительность. Позднее Мария, говоря о его доброте, вспоминала также доброту Жуковского и сравнивала их обоих с филантропами – героями романа «Адель и Теодор, или Письма о воспитании» графини де Жанлис (1746–1830). Екатерина Афанасьевна находила в Мойере лишь один недостаток – он не был дворянином.

Маша вышла замуж, а Жуковский, вспомнив, что «на свете много прекрасного и без счастья», уехал в Петербург. Любовь теперь могла жить только на расстоянии. А Маша писала в своём дневнике: «Когда мне случится без ума грустно, то я заберусь в свою горницу и скажу громко: «Жуковский!» И всегда станет легче».

Часть исследователей полагает, что брак Марии Андреевны был счастливым и что только первые годы его были омрачены отсутствием детей, непривычной для молодой женщины, выросшей в русской барской семье, и малообщительностью мужа.

Под руководством мужа Мария Андреевна изучала медицину и помогала больным, работая также в женской тюрьме. По воспоминаниям её дочери, однажды Марию Андреевну случайно заперли вечером в остроге, и она, не желая никого беспокоить, провела ночь в тюрьме.

С Жуковским они встречались редко. Иногда он заезжал в Дерпт поглядеть на первенца супругов Мойер, дочку Катеньку. Маша светилась от счастья, наблюдая, как Василий Андреевич качает на руках её ребенка.

В скором ожидании второго ребёнка она звала Жуковского приехать, утешить её: беременность протекала тяжело.

Мойер тревожился, и не напрасно. Мария не справилась с нездоровьем и 18 марта 1923 года скончалась во время родов. Ребёнка спасти не удалось.

Жуковский, который незадолго до этого гостил у Мойеров и за десять дней до смерти Марии покинул Дерпт, не успел на её похороны. Он был сражён страшным известием. Только недавно он примирился с мыслью о потере, но всё случилось так окончательно и безвозвратно!

Родная сестра Марии, Александра, вручила ему последнее Машино письмо: «Друг мой! Тебе обязана я самым живейшим счастьем, которое только ощущала! И всё, что ни было хорошего, всё было – твоя работа. Сколько вещей должна я была обожать только внутри сердца! Знай, что я всё чувствовала и всё понимала. Теперь – прощай!»

Жуковский плакал. Но вдруг его обволокла знакомая умиротворенность и этот тёплый ветер, и облака, стремящиеся вдаль. Позже он написал:

«Право, в небе, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрел на него другими глазами. Это было милое, утешительное, Машино небо».

Жуковский оставался в Дерпте около двух месяцев. Он сделал план надгробного памятника в виде креста с распятием и написал тексты для могильной плиты, включив в них два

изречения из Евангелия, которые особенно часто повторяла покойная: «Да не смущается сердце ваше» и «Придите ко мне вси труждающиеся».

Его душевное состояние нашло отражение в горестных и одновременно поэтичных письмах, продиктованных «сердечным воображением».

«Солнце мирно освещало этот клочок земли, который скрыл её от моих взоров. Там царил тишина, не скажу ужасная, но непостижимая и доводящая до отчаяния», – писал он 25 марта, по приезде в Дерпт, будущей императрице Александре Фёдоровне, – «Не Великой Княгине, но другу, одно существование которого служит утешением».

Особенно откровенно он делился своими чувствами с Авдотьей Петровной Киреевской. В молодости Дуняша (как они с Машей её называли) готова была уйти в монастырь, чтобы замалывать их «грех» – родственник, а поэтому не совсем законный брак, если бы Екатерина Афанасьевна Протасова, дала бы на него согласие. Теперь Жуковский писал ей: «Мысль о Вас сделалась мне дороже всего на свете: в Вас более всех моя Маша!» Он просил: «Не говорите: её нет! Говорите: она была. Это ободрительное слово: в нём благодарность за всё то, что она оставила в нашем сердце».

К этой мысли, примиряющей со смертью, Жуковский пришёл ещё раньше, в 1821 году, когда выразил её в своём знаменитом четверостишье «Воспоминание», ставшем девизом жизни никогда не расстававшегося с «прошедшим» поэта:

О милых спутниках, которые наш свет своим присутствием для нас животворили, не говори с тоской: их нет, но с благодарностию: были.

В память о своей возлюбленной Жуковский написал стихотворение под названием «9 марта 1823 года». В этот день он в последний раз видел её.

Ты предо мною

Стояла тихо.

Твой взор унылый

Был полон чувства.

Он мне напомнил

О милом прошлом...

Он был последний

На здешнем свете.

Ты удалилась,

Как тихий ангел.

Твоя могила,

Как рай, спокойна!

Там все земные

Воспоминанья,

Там все святые

О небе мысли.

Звезды небес,

Тихая ночь!..

Поразительно, что музыкальность этого произведения Жуковского достигается в рамках незарифмованного стиха. Отсутствие рифм компенсируется полным параллелизмом первых двух строк. Каждое двустопие первой строки находит себе образный эквивалент в соответствующем двустопии второй строки.

Общая логика зеркально-симметричного расположения строки такова: воспоминанию о последней встрече противопоставлена картина смерти героини. При этом строго соблюдаются «центры» соответствующих двустопий («стояла тихо» – «удалилась, как тихий ангел», «твой взор» – «твоя могила», «милое прошлое» – «земные воспоминанья», «здешний свет – небо»).

Из чётко проведённой системы параллелизма выпадает окончание стиха – начало третьей строки, которая так и осталась незавершённой.

Свою любовь к Марии Протасовой Жуковский пронёс через всю свою жизнь.

Женитьба, дети, внук

В 1839 году в 56-летнем возрасте в доме своего друга, немецко-русского художника Евграфа Романовича Рейтерн, – он же Герхардт-Вильгельм фон Рейтерн (1794–1865), – Василий Андреевич Жуковский познакомился с его 17-летней дочерью Елизаветой (1821–1856).

Евграф Рейтерн был другом Иоганна-Вольфганга Гёте (1749–1832). В 1837 году он стал придворным художником российского императорского двора. Попеременно жил в Германии, Франции, Швейцарии, Италии и России. С 1844 года окончательно поселился в Германии.

После смерти Марии Мойер (Протасовой) прошло 16 лет. Счастье, о котором Жуковский уже перестал мечтать, вдруг поманило его на склоне лет теплым предзакатным лучом. С первого взгляда романтический писатель влюбился в юную девушку. Он боялся поверить тому, что может быть счастлив, но всё-таки решился просить у Евграфа Романовича руки его дочери. Но отец Елизаветы, хотя и был его другом, высказался против женитьбы.

Жуковский не желал отступать. В 1840 году он написал и посвятил Елизавете Рейтерн стихотворение «О, молю тебя, создатель...», вольный перевод стихотворения немецкого поэта Николауса Ленау (1802–1850) *Stumme Liebe* («Безмолвная любовь»).

Елизавете Рейтерн:

О, молю тебя, Создатель,

Дай вблизи её небесной,

Пред её небесным взором

И гореть и умереть мне,

Как горит в немом блаженстве,

Тихо, ясно угасая,

Огнь смиренныя лампы

Пред небесною Мадонной.

В 1841 году Жуковский подал прошение об отставке, уехал в Германию и вновь сделал предложение Елизавете. Девушка дала положительный ответ. На этот раз Евграф Романович сказал, что если его дочь согласна, он тоже не возражает. Свадьба 58-летнего поэта и 19-летней Елизаветы Рейтерн, дочери его друга, состоялась 21 мая 1841 года в Дюссельдорфе.

С любовью и радостью Василий Андреевич обставлял свой дом, Елизавета Евграфовна окружила супруга заботой и вниманием. Жуковский не пытался обучать жену русскому языку, между собой они общались по-немецки или по-французски. Но счастье в этом доме было мучительным и недолгим. К сожалению, брак оказался непростым.

Елизавета постоянно болела, была подвержена нервным срывам. Частые выкидыши не позволяли исполнить мечту Жуковского о детях.

Василий Андреевич Жуковский

Елизавета Евграфовна Рейтерн

Но через год после свадьбы в семье появилась девочка Александра. Ещё через три года – мальчик Павел. Из-за недомоганий супруги пожилому мужчине пришлось взвалить на себя все обязанности по дому и воспитанию детей.

Он и сам был болен, а жена стала болеть, чахнуть, тосковать, худеть. Мучительная тревога о ней, о её здоровье, о сыне и дочери, груз ответственности за своих любимых, беспомощных и слабых, – вот каким оказалось его выстраданное счастье.

Слабое здоровье жены не позволяло Жуковскому перевезти семью в Россию, и он с головой ушёл в работу.

С 1842 года Жуковский стал интенсивно заниматься переводом «Одиссеи» Гомера. Он консультировался с дюссельдорфским эллинистом Грасгофом, который переписал ему весь греческий текст, проставив под каждым греческим словом немецкое с разъяснением грамматического смысла оригинала. Полный перевод «Одиссеи» Гомера – одно из самых известных произведений поэта – вышел в свет 1849 году.

Дочь Жуковского Александра родилась 30 октября 1842 года, когда Жуковский уже не мог работать в полную силу. В письме поэту, переводчику, первому председателю Русского исторического общества Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878), который провозгласил Жуковского чуть ли не патриархом русской литературы, он писал: «Общественное дело моё, взявшее лучшие мои годы, кончено. Из прошедшей моей деятельности сохранию только давно оставленную авторскую». Объяснялось это крайне тяжёлым состоянием Елизаветы Евграфовны, которая после родов не вставала до мая 1843 года. Не лучшим было состояние здоро-

вья и самого Жуковского: у него сильно ослабело зрение, он больше не мог читать и писать при свечах, в дневнике фиксировались «нервические припадки», головные боли и «другие недуги».

1 января 1845 года у Жуковских родился сын Павел. Его крёстным отцом стал великий князь Александр Николаевич (1818–1881). Жуковский ко времени рождения сына пятую неделю тяжело болел. Тяжёлым было и душевное состояние Николая Васильевича Гоголя (1809–1852), который жил у Жуковских с осени 1844 года, но за несколько дней до наступления нового года уехал в Париж. Это погрузило Василия Андреевича в меланхолию. Единственным лекарством от болезни и хандры стала работа.

Целый ряд стихотворных произведений этого времени он написал белым пятистопным ямбом: повесть «Выбор креста», «Повесть об Иосифе Прекрасном», сказки «Кот в сапогах», «Тюльпанное дерево», «Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке». Сказки были отосланы в Петербург для журнала «Современник», в котором они и были напечатаны.

Для своих детей Жуковский в 1844–1845 годах сделал перевод на русский язык Нового Завета. Для широкой публики этот перевод стал известен после берлинской публикации 1895 года. Первое издание в России последовало только в 2012 году.

1847-й год не был благоприятен для Жуковского. Депрессия Елизаветы Евграфовны не проходила всю вторую половину предыдущего года. О состоянии своей жены Жуковский писал Гоголю: «Она почти ничем не может заниматься, и никто никакого развлечения ей дать не может. Чтение действует на её нервы, говорит она только о своей болезни».

Помимо литературных дел Жуковский много внимания уделял занятиям с дочерью Александрой, которую называл в своих письмах «гениальной».

Он сетовал на то, что все свои педагогические работы отослал в Петербург в надежде на возвращение в Россию. Постепенно он начинал занятия также с сыном Павлом, в котором видел себя в молодости. Для одной только наглядной азбуки он акварелью написал более 500 картинок.

Для дочери Александры и сына Павла он написал цикл «Стихотворения, посвящённые Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским», с помощью которых его маленькие дети, рожденные в Германии, осваивали русский язык.

В августе 1849 года Жуковский отправился в Варшаву для встречи с императором Николаем I, который готовился встретить возвращающиеся в Россию войска. При личном свидании император подтвердил дарованное Жуковскому в 1841 году право на неограниченное пребывание за границей. Пожалование ордена Белого Орла и рескрипт (личное письмо императора с выражением ему благодарности и объявлением о награде), который Жуковский просил опубликовать, также подтверждало высокий статус поэта при дворе, несмотря на его проживание за границей.

Дети Жуковского не стали писателями.

Александра Васильевна Жуковская (1842–1899) была принята при дворе императора Александра II и стала любимой фрейлиной императрицы Марии Александровны (1824–1880).

Известность получил роман Александры Васильевны с великим князем Алексеем Александровичем (1850–1908), четвёртым сыном императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Она стала матерью его единственного сына.

Российская история хранит множество любовных приключений, героями которых становились великие князья и фрейлины императорского двора. Часто такие амурные дела были лишь лёгкими зарисовками, о которых полуслёпотом говорилось в кулуарах Зимнего дворца.

Отношения же фрейлины Александры Жуковской и четвёртого сына императора Александра II, великого князя Алексея Александровича не на шутку напугали Романовых. Эта история вышла из-под контроля и грозила нанести непоправимый ущерб репутации царского сына.

Александра Жуковская

Алексей Александрович

В Государственном архиве хранится толстая книга в солидном кожаном переплётё. Золотой обрез, тиснение и замок, чтобы не каждый мог прочесть, что в ней написано. Страницам этой книги доверял свои секреты великий князь Алексей Александрович, внося в неё записи о том, что волновало его в 1869 году.

Тогда ему было 19 лет, и он впервые был влюблён. Его избранницей стала любимая фрейлина императрицы Александра Жуковская. Дочь поэта Василия Жуковского, близкого нескольким поколениям императорской семьи, была принята в свиту супруги Александра II и в скором времени стала одной из самых популярных светских дам того времени.

По воспоминаниям современников, юная особа не отличалась броской красотой, но умение держаться в обществе, чувство вкуса и раскованность в разговоре сразу располагали к ней людей.

«Она не была особенно хороша собой, кроме очень красивых серых глаз, которым она придавала иногда вдумчивое и мечтательное выражение. Были у неё великолепные белокурые волосы и свежий цвет лица, черты же её были скорее крупные, рот с выдающимися Вперёд белыми зубами. Туалеты её были превосходны по вкусу и роскоши, и она умела исправлять массой тюля и длинными буклями не совсем правильную линию своего стана», – писала о ней фрейлина императорского двора Елизавета Петровна Нарышкина (1802–1867). В своих мемуарах она отмечала, что Жуковская пользовалась большим успехом у мужчин и слыла умной, образованной собеседницей. Под очарование «мечтательных серых глаз» попал и 19-летний великий князь.

Несмотря на разницу в возрасте (Александре было тогда 27 лет) и в социальном положении, между ними завязался роман. Молодые люди часто встречались в Аничковом дворце, где принимали участие в домашних спектаклях. Понимая, что общество не даст им быть вместе,

Алексей Александрович предложил возлюбленной пойти на авантюру – бежать в Италию и там обвенчаться.

По мнению ряда историков, так они и поступили, но безденежье в скором времени заставило романтиков вернуться в Россию. Тут их ждало разочарование. Морганатический брак не был признан Синодом, а родные подвергли жесткой критике безрассудность Алексея.

В итоге Романовы постановили разлучить влюблённых: Александру выслали в Германию, а Алексея император решил отправить на два года в кругосветное плавание.

«Мне больно, мне ужасно думать, что я должен уехать от Тебя, и я не знаю, увижусь ли с Тобой ещё раз в жизни. Я ещё раз Тебе повторяю, что Ты – моя гордость, Ты – моя святыня», – писал великий князь 12 июля 1869 года.

К тому времени уже было известно, что Александра ждёт ребёнок. Сохранилась история, что будто бы Павел, младший брат Жуковской, даже вызвал великого князя на дуэль. Как писала писательница, переводчица и мемуаристка Екатерина Павловна Леткова (1856–1937), Павел Жуковский призвал Алексея Александровича к барьеру, но Александр II категорически запретил сыну отвечать на это.

20 августа 1871 года Алексей Александрович отправился в плавание. Он очень болезненно переживал расставание с Александрой. Во время разлуки с Жуковской великий князь и начал вести свой дневник, который в наши дни даёт понять, как сильно он был влюблён в те годы.

Великий князь находился в море 2 года. За это время Жуковская была подвергнута сильному давлению со стороны императорской семьи, и отношения с Алексеем Александровичем были прерваны по её инициативе.

26 ноября 1871 года Александра Жуковская родила в Зальцбурге сына от великого князя, названного в честь отца Алексеем.

14 декабря 1875 года 33-летняя Александра Васильевна вышла замуж за 26-летнего саксонского полковника, барона Кристиана Генриха фон Вёрмана (1849–1932), российского подданного и владельца имения Вендишбора. В связи с замужеством она получила вексель на крупную сумму, а позднее император Александр III, брат Алексея Александровича, назначил ей пожизненную пенсию, распорядителем которой был назначен её «первый муж» великий князь Алексей Александрович.

Великий князь же больше не женился и вёл жизнь бонвивана, полную амурных похождений. Поскольку он был флотским командиром, о нём говорили, что его жизнь состояла из «вёртких дам и неповоротливых кораблей».

24 марта 1875 года, ещё до того, как Александра Жуковская вышла замуж, маленький Алексей вместе с ней получил в Республике Сан-Марино баронский титул и фамилию Седжиано, так как Алексей Александрович приобрёл для Александры имение в Италии с правом на титул баронессы Седжиано и, с высочайшего соизволения, образовал из собственных средств особый неприкосновенный капитал в 100 000 рублей серебром для сына.

21 марта 1884 года по просьбе брата Александры Павла Васильевича Жуковского, обратившегося к новому императору Александру III, 13-летний барон Алексей Седжиано был возведён, с нисходящим потомством, в графское Российской империи достоинство, с присвоением ему отчества Алексеевич и фамилии Белёвский (Белёвский уезд Тульской губернии был родиной его деда Василия Андреевича Жуковского).

14 января 1913 года ему было разрешено присоединить фамилию Жуковский. Титул графа Белёвского-Жуковского передавался только по мужской линии, потомки женского пола должны были называться графинями Белёвскими.

А. А. Белёвский-Жуковский

Граф Алексей Алексеевич Белёвский-Жуковский (1871–1932), сын Александры Васильевны Жуковской и Великого князя Алексея Александровича, внук Василия Андреевича Жуковского и императора Александра II, детство и юность провёл в Германии, в Баден-Бадене.

Служил вольноопределяющимся в Сумском драгунском полку.

15 августа 1894 года в усадьбе Ильинское (ныне Красногорский район Московской области) женился на княжне Марии Петровне Трубецкой (1872–1954), фрейлине великой княгини Елизаветы Фёдоровны (супруги великого князя Сергея Александровича). В браке родились три дочери – Елизавета, Александра, Мария и сын Сергей. В 1904 году брак распался.

После производства в офицеры Алексей Алексеевич – ординарец великого князя Сергея Александровича (1857–1905), пятого сына Александра II, младшего брата своего отца. В 1905–1914 годы он проживал на собственной вилле в Баден-Бадене.

Накануне Первой мировой войны состоял в должности шталмейстера Высочайшего двора. После октябрьского переворота 1917 года остался в России, в то время как его бывшая жена и дети эмигрировали.

Жил в Тбилиси, в 1920 году женился на баронессе Наталье Владимировне Шёппинг (1888–1965), работал биологом. В 1932 году о нём вспомнили и расстреляли.

Сын Василия Андреевича Жуковского Павел Васильевич (1845–1912) окончил гимназию в Петербурге, затем жил в Москве, но большую часть жизни провел за границей (Италия, Франция, Германия), где самостоятельно изучал живопись и архитектуру. Специального художественного образования Павел Васильевич не получил.

Он стал художником-любителем. Ему покорила кисть художника, но полотна были не единственной страстью сына Жуковского.

Павел Васильевич был членом-учредителем по устройству Русского музея в Петербурге, участвовал в разработке проекта здания Музея изобразительных искусств в Москве.

Среди его художественных произведений – картины на религиозные и мифологические темы, портреты, пейзажи, офорты и рисунки. Одна из его работ, «Богоматерь с телом Спасителя», экспонировалась на Всемирной выставке в Париже в 1878 году.

В 1883 году он был избран действительным членом Академии художеств.

Академия присвоила ему звание «Почётного вольного общника». Это звание присуждалось за выдающиеся заслуги в области искусства художникам, скульпторам, архитекторам и гравёрам, историкам и теоретикам искусства, художественным критикам и коллекционерам, как российским, так и зарубежным. Среди почётных вольных общников были Б. Ф. Растрелли, К. И. Росси, К. П. Брюллов, В. В. Стасов.

Павел Васильевич Жуковский

Картины и портреты Павла Васильевича Жуковского хранятся в Государственном Русском музее, в Центральном военно-морском музее, в Музее академии художеств и в ряде других музеев. Один из его рисунков хранится в Государственном мемориальном историко-художественном музее-заповеднике Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927).

Павел Васильевич был знаком с немецким композитором Рихардом Вагнером (1813–1883) и разработал эскизы декораций и костюмов для первой постановки его оперы «Парсифаль» в Байретском театре (Бавария).

Он был инициатором и участником создания художественно-краеведческого музея в городе Белёв, Тульской области.

В течении восьми лет (1889–1897) Жуковский работал над проектом памятника Александру II для Московского кремля. Весной 1918 года скульптурная фигура царя был сброшена с монумента, а в 1928 году памятник был полностью демонтирован.

Умер Павел Васильевич Жуковский 26 августа 1912 года в Веймаре. После смерти его имя было присвоено основанному им в 1910 году Белёвскому районному художественно-краеведческому музею.

Последние годы

Последние годы жизни Жуковский провёл в Германии, в кругу своих новых родных. В это время он занимался, в основном, переводами.

В начале 1846 года Жуковский начал перевод поэмы немецкого поэта переводчика, профессора восточной литературы Фридриха Рюккерта (1788–1866) «Рустем и Зораб», основанной на одном из сюжетов национального эпоса иранских народов «Шахнаме». Однако, в письме от 19 марта 1846 года Гоголю свою работу Жуковский именовал «поэтическим запором», имея в виду то, что из-за неё застопорилась «Одиссея».

29 января 1849 года в Петербурге был отпразднован 66-й день рождения Жуковского в его отсутствие. Организатором торжеств был князь Пётр Андреевич Вяземский. Собралось около 80 гостей, были прочитаны стихи Вяземского, посвящённые юбиляру. Самому Василию Андреевичу отправили подробный протокол праздника с подписями всех гостей. Юбиляр был недоволен и писал, что это торжество «похоже на поминки».

К этому времени стали выходить первые рецензии на опубликованную часть перевода «Одиссеи». Не все они были доброжелательными. Главной причиной критики стала субъективность перевода. Обозреватель «Отечественных записок» прямо писал: «От настоящего перевода «Одиссеи» нужно было ожидать, даже не читая его, что это будет скорее «Одиссея» Жуковского, чем Гомерова «Одиссея», переведённая Жуковским».

Субъективность перевода связывалась с романтической природой творчества поэта. Впрочем, даже самые взыскательные критики, современники и потомки, не могли не признать эстетическое обаяние перевода Жуковского. В предисловии к изданию Academia» 1935 года отмечалось, что «десятки точнейших, учёнейших переводов «Одиссеи», конечно, не дали бы того, что дал один этот перевод Жуковского».

На рубеже 1849–1850 годов мысли Жуковского занимал ещё один проект, литературным выражением которого стала его последняя поэма «Агасфер». Она, к сожалению, так и осталась неоконченной, поэт называл её своей «лебединой песней».

С одной стороны, история Вечного Жида была очень хорошо разработана в европейской романтической литературе. Вечный Жид – главный персонаж легенды, в которой рассказывается, как один иерусалимский сапожник по имени Агасфер ударил Христа сапожной колодкой, когда тот, идя на Голгофу, остановился у его дома, чтобы отдохнуть. Христос будто бы сказал ему: «Я отдохну, но ты будешь ходить до тех пор, пока я не приду снова». С этого времени Агасфер не может умереть и странствует по свету, не находя покоя. По другому преданию, это был латинянин, привратник у дома Пилата, по имени Картафил. Он ударил Христа кулаком и в наказание должен ожидать его второго пришествия. Каждые сто лет на него нападает болезнь, после которой к Картафилу возвращается его молодость.

С другой стороны, поэма Жуковского стала закономерным продолжением его размышлений об «Одиссее человеческого духа». Это одновременно было и развитие пушкинско-лермонтовской романтической линии, некоторые фрагменты поэмы можно сопоставить с психологической динамикой героев Михаила Лермонтова.

Действие поэмы начинается от казни Христа и затем переносится в современность: с Агасфером встречается Наполеон. Исповедь Агасфера завоевателю и составляет содержание

поэмы. Причину разрушения Иерусалима Жуковский связывал с отвержением Христа народом Израиля. Сюжет поэмы – это поиск Агасфером смерти, который оказывается путём к вере во Христа. Агасфер постоянно возвращается в Иерусалим, а описание разрушенного пожаром города напоминало созданный Жуковским в его письмах образ Европы. Тем самым священная и литературно-романтическая история прямо соотносилась с современностью и её задачами.

В поэме Жуковского есть и картины всемирной истории, и черты демонизма, и этико-религиозные рассуждения. Но не это главное. Романтик Жуковский остался верен себе: он прежде всего попытался выявить внутреннюю эволюцию героя, раскрыть его путь к духовности, к постижению подлинной веры. Уже в самом начале исповеди Агасфера дана программная, во многом полемическая установка:

Я – Агасфер; не сказка Агасфер,

Которою кормилица твоя

Тебя в ребячестве пугала, нет!

Я Агасфер живой, с костями, с кровью.

Текущей в жилах, с чувствующим сердцем

И с помнящей минувшее душою.

Я Агасфер – вот исповедь моя...

В этом монологе героя – заявка на «очеловечивание» сказки. Жуковскому важнее всего передать именно трагедию «живого» человека, показать живое биение его «чувствующего сердца», память его души. Поэт обращается к форме исповеди, позволяющей раскрыть историю героя изнутри как акт самосознания. Момент очеловечивания героя легенды – суть концепции Жуковского, продолжение и развитие общего направления русской романтической поэмы.

С начала 1851 года Жуковский ослеп на один глаз и по несколько часов проводил в тёмной комнате. В темноте он провёл и свой 68-й день рождения 29 января 1851 года.

Тем не менее, мечты о возвращении в Россию не оставляли его. В этом его активно поддерживали Гоголь, Чаадаев, а особенно, его племянница, дочь Варвары Афанасьевны Буниной, его сестры по отцу, Авдотья Петровна Елагина, которая на всю жизнь стала другом Василия Андреевича.

Василий Андреевич вернулся к своей идее обосноваться в Дерпте. Свой маршрут Жуковский сообщил Авдотье Петровне в письме от 29 июня, наметив выезд из Бадена на 14 июля. В том же письме он просил всех своих близких собраться в Москве. Однако за два дня до отъезда у поэта сильно воспалился глаз. Самостоятельно писать и читать Василий Андреевич не мог. Ему помогали супруга и камердинер. Состояние здоровья Жуковского стремительно ухудшалось, и переезд был отложен до следующего года.

С этого периода переписка с Елагиной шла по-французски, чтобы Елизавета Евграфовна могла читать вслух. С 8 июля интенсивно шла работа над «Агасфером» при помощи камердинера, который мог перечитывать написанное по-русски.

Последний подъём активности Жуковского выразился в стихотворении «Царскосельский лебедь», написанном в 1851 году. Это – элегия о необычном лебедь, старом, хилом, пере-

жившем всех своих спутников, чужом среди резвящейся молодежи, но всё равно взлетающем вверх, хоть и в последний раз. Стихотворение заканчивается картиной гибели лебедя, некогда жившего в Царском Селе.

Царскосельский лебедь

...Дни текли за днями. Лебедь позабытый

Таял одиноко; а младое племя

В шуме резвой жизни забывало время...

Раз среди их шума раздался чудесно

Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;

Лебеди, услышав голос, присмирели

И, стремимы тайной силой, полетели

На голос: пред ними, вновь помолодельи,

Радостно вздымая перья груди белой,

Голову на шее гордо распрямленной

К небесам подъявля, – весь воспламенённый,

Лебедь благородный дней Екатерины

Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!

А когда допел он – на небо взглянувши

И крылами сильно дряхлыми взмахнувши, —

К небу, как во время оное бывало,

Он с земли рванулся... и его не стало

В высоте... и навзничь с высоты упал он;

И прекрасен мертвый на хребте лежал он,

Широко раскинув крылья, как летящий,

В небеса вперяя взор, уж не горящий.

Это стихотворение стало достойным завершением непростой, полной трудов жизни замечательного поэта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.